

The Picture of Dorian Gray

Oscar Wilde

Портрет Дориана Грея

Оскар Уайльд

Copyright © 2018 Strelbytskyy Multimedia Publishing
All rights reserved.

Andronum[®]
www.andronum.com

Чтение книг в оригинале — хороший способ улучшить знание иностранного языка. Читателю предлагается неадаптированный оригинальный текст и классический перевод книги «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда.

Бэзил Холлуорд пишет портрет золотоволосого красавца Дориана Грея. Любуясь полотном, неосторожный юноша выражает желание стариться лишь на картине, вечно оставаясь молодым.

Table of Contents

The Preface.....	6
Chapter 1.....	6
Chapter 2.....	22
Chapter 3.....	38
Chapter 4.....	52
Chapter 5.....	70
Chapter 6.....	84
Chapter 7.....	92
Chapter 8.....	106
Chapter 9.....	120
Chapter 10.....	132
Chapter 11.....	142
Chapter 12.....	162
Chapter 13.....	170
Chapter 14.....	178
Chapter 15.....	192
Chapter 16.....	202
Chapter 17.....	212
Chapter 18.....	218
Chapter 19.....	228
Chapter 20.....	240

Содержание

Предисловие.....	7
Глава I.....	7
Глава II.....	23
Глава III.....	39
Глава IV.....	53
Глава V.....	71
Глава VI.....	85
Глава VII.....	93
Глава VIII.....	107
Глава IX.....	121
Глава X.....	133
Глава XI.....	143
Глава XII.....	163
Глава XIII.....	171
Глава XIV.....	179
Глава XV.....	193
Глава XVI.....	203
Глава XVII.....	213
Глава XVIII.....	219
Глава XIX.....	229
Глава XX.....	241

THE PREFACE

The artist is the creator of beautiful things. To reveal art and conceal the artist is art's aim. The critic is he who can translate into another manner or a new material his impression of beautiful things.

The highest as the lowest form of criticism is a mode of autobiography. Those who find ugly meanings in beautiful things are corrupt without being charming. This is a fault.

Those who find beautiful meanings in beautiful things are the cultivated. For these there is hope. They are the elect to whom beautiful things mean only beauty.

There is no such thing as a moral or an immoral book.

Books are well written, or badly written. That is all. The nineteenth century dislike of realism is the rage of Caliban seeing his own face in a glass.

The nineteenth century dislike of romanticism is the rage of Caliban not seeing his own face in a glass.

The moral life of man forms part of the subject-matter of the artist, but the morality of art consists in the perfect use of an imperfect medium. No artist desires to prove anything. Even things that are true can be proved.

No artist has ethical sympathies. An ethical sympathy in an artist is an unpardonable mannerism of style. No artist is ever morbid. The artist can express everything. Thought and language are to the artist instruments of an art.

Vice and virtue are to the artist materials for an art. From the point of view of form, the type of all the arts is the art of the musician. From the point of view of feeling, the actor's craft is the type.

All art is at once surface and symbol.

Those who go beneath the surface do so at their peril. Those who read the symbol do so at their peril.

It is the spectator, and not life, that art really mirrors. Diversity of opinion about a work of art shows that the work is new, complex, and vital.

When critics disagree, the artist is in accord with himself. We can forgive a man for making a useful thing as long as he does not admire it. The only excuse for making a useless thing is that one admires it intensely.

All art is quite useless.

CHAPTER 1

The studio was filled with the rich odour of roses, and when the light summer wind stirred amidst the trees of the garden, there came through the open door the heavy scent of the lilac, or the more delicate perfume of the pink-flowering thorn.

From the corner of the divan of Persian saddle-bags on which he was lying, smoking, as was his custom, innumerable cigarettes, Lord Henry Wotton could just

ПРЕДИСЛОВИЕ

Художник — это тот, кто создает красивые вещи. Раскрыть искусство и скрыть художника — такова у искусства цель. Критик — это тот, кто в новой манере, или пользуясь новым материалом, выразит свое впечатление от этих красивых вещей.

Критика, плохая и хорошая, всегда есть автобиография. Так что те, кто видят развратное в прекрасном, сами развратны и притом не прекрасны. Это большой недостаток.

Находить в прекрасных вещах также и прекрасные идеи умеют люди культурные. Для них еще есть надежда. И только для избранных прекрасные вещи исключительно означают красоту.

Нет ни нравственных, ни безнравственных книг.

Есть книги, хорошо написанные, и есть книги, плохо написанные. Только. Неприязнь девятнадцатого века к реализму — это ярость Калибана, видящего в зеркале свое лицо.

Неприязнь девятнадцатого века к романтизму — это ярость Калибана, не видящего в зеркале своего лица.

Чья-нибудь нравственная жизнь может порой оказаться сюжетом художника; однако вся нравственность искусства — в совершенном применении несовершенных средств.

Ни единый художник не желает что-либо доказывать, ведь доказаны могут быть даже достоверные истины. Ни у какого художника не бывает этических пристрастий.

Этические пристрастия в художнике есть непростительная манерность стиля. Болезненных художников нет. Художник может изображать все. Мысль и язык для художника, — орудия его искусства.

Порок и беспорочность для художника — материалы его искусства. В отношении формы, музыка есть первообраз всякого искусства. В отношении чувства, первообразом является лицедейство актера.

Всякое искусство одновременно есть и поверхность и символ.

Те, кто проникают глубже поверхности, сами ответственны за это. Те, кто разгадывают символ, сами ответственны за это.

Ибо зрителя, а не жизнь, поистине отражает искусство. Несогласие мнений о каком-нибудь создании искусства свидетельствует, что это создание ново, сложно и жизненно.

Если критики между собой не согласны, — художник в согласии с собою.

Мы можем простить человека, создающего полезную вещь, если сам он не восхищается ею. Единственное оправдание для создающего бесполезную вещь — это то, что каждый восхищается ею безмерно.

Все искусство совершенно бесполезно.

ГЛАВА I

Мастерская была пропитана пряным ароматом роз, и, когда легкое дуновение летнего ветерка проносилось в саду меж деревьями, в открытую дверь врывался удушливый запах сирени или тонкое благоухание розового шиповника.

Лежа в углу дивана, покрытого персидскими чепраками, и куря, но обыкновенно, одну за другою бесчисленные папиросы, лорд Генри Уоттон мог мельком улавливать

catch the gleam of the honey-sweet and honey-coloured blossoms of a laburnum, whose tremulous branches seemed hardly able to bear the burden of a beauty so flame-like as theirs; and now and then the fantastic shadows of birds in flight flitted across the long tussore-silk curtains that were stretched in front of the huge window, producing a kind of momentary Japanese effect, and making him think of those pallid, jade-faced painters of Tokyo who, through the medium of an art that is necessarily immobile, seek to convey the sense of swiftness and motion. The sullen murmur of the bees shouldering their way through the long unmown grass, or circling with monotonous insistence round the dusty gilt horns of the straggling woodbine, seemed to make the stillness more oppressive. The dim roar of London was like the bourdon note of a distant organ.

In the centre of the room, clamped to an upright easel, stood the full-length portrait of a young man of extraordinary personal beauty, and in front of it, some little distance away, was sitting the artist himself, Basil Hallward, whose sudden disappearance some years ago caused, at the time, such public excitement and gave rise to so many strange conjectures.

As the painter looked at the gracious and comely form he had so skilfully mirrored in his art, a smile of pleasure passed across his face, and seemed about to linger there. But he suddenly started up, and closing his eyes, placed his fingers upon the lids, as though he sought to imprison within his brain some curious dream from which he feared he might awake.

"It is your best work, Basil, the best thing you have ever done," said Lord Henry languidly. "You must certainly send it next year to the Grosvenor. The Academy is too large and too vulgar. Whenever I have gone there, there have been either so many people that I have not been able to see the pictures, which was dreadful, or so many pictures that I have not been able to see the people, which was worse. The Grosvenor is really the only place."

"I don't think I shall send it anywhere," he answered, tossing his head back in that odd way that used to make his friends laugh at him at Oxford. "No, I won't send it anywhere."

Lord Henry elevated his eyebrows and looked at him in amazement through the thin blue wreaths of smoke that curled up in such fanciful whorls from his heavy, opium-tainted cigarette.

"Not send it anywhere? My dear fellow, why? Have you any reason? What odd chaps you painters are! You do anything in the world to gain a reputation. As soon as you have one, you seem to want to throw it away. It is silly of you, for there is only one thing in the world worse than being talked about, and that is not being talked about. A portrait like this would set you far above all the young men in England, and make the old men quite jealous, if old men are ever capable of any emotion."

"I know you will laugh at me," he replied, "but I really can't exhibit it. I have put too much of myself into it."

Lord Henry stretched himself out on the divan and laughed.

"Yes, I knew you would; but it is quite true, all the same."

"Too much of yourself in it! Upon my word, Basil, I didn't know you were so vain; and I really can't see any resemblance between you, with your rugged strong face and your coal-black hair, and this young Adonis, who looks as if he was made out of ivory and rose-leaves. Why, my dear Basil, he is a Narcissus, and you—well, of course you have an intellectual expression and all that. But beauty, real beauty, ends where an intellectual expression begins. Intellect is in itself a mode of exaggeration, and destroys the harmony of any face. The moment one sits down to think, one becomes all nose, or all forehead, or something horrid. Look at the successful men in any of the learned professions. How perfectly hideous they are! Except, of course, in the Church.

сияние медвяно-сладких и медово-цветных лепестков альпийского раkitника, трепетные ветви которого, казалось, едва выдерживали тяжесть своей пламенно-яркой красоты; изредка по длинным шелковым занавесям громадного окна, создавая на мгновение эффект японской живописи, проносились фантастические тени пролетающих мимо птиц, заставляя лорда Уоттона думать о токийских желтолицых художниках, стремящихся выразить порыв и движение в неподвижном по своей природе искусстве. Дремотное жужжание пчел, то пробивавших себе дорогу в нескошенной высокой траве, то с однообразной настойчивостью кружившихся над пыльными, золочеными Усиками выходящей лесной мальвы, как будто делали тишину еще более тягостной. Глухой гул Лондона доносился сюда, как басовые ноты далекого органа.

Посреди комнаты на мольберте стоял портрет молодого человека необыкновенной красоты во весь рост, а перед ним, немного поодаль, сидел и сам художник, Бэзил Холлуорд, внезапное исчезновение которого несколько лет тому назад вызвало в обществе так много шума и возбудило немало странных толков.

Когда художник взглянул на грациозную, красивую фигуру, так искусно отраженную его кистью, улыбка удовольствия появилась и как бы застыла у него на лице. Внезапно он вскочил и, закрыв глаза, прижал свои веки пальцами, будто стараясь удержать у себя в мозгу какой-то чудный сон, от которого он боялся проснуться.

— Это ваше лучшее произведение, Бэзил, лучшая из всех вами написанных картин, — проговорил лорд Генри томно, — Вы непременно должны выставить его в будущем году в Grosvenor Gallrey. Академическая выставка слишком велика и вульгарна. Когда бы мне ни случалось там бывать, там всегда такое множество людей, что немислимо разглядеть картины, а это ужасно, или же такое множество картин, что нельзя разглядеть людей, а это еще ужаснее. Гросвенор, по-моему, единственное место для вас.

— Вернее всего, я не стану нигде выставлять эту вещь, — ответил Бэзил, закидывая голову назад по своей странной привычке, заставлявшей, бывало, его товарищей в Оксфорде смеяться над ним. — Нет, я нигде не выставлю ее.

Лорд Генри поднял брови и в изумлении посмотрел на него сквозь прозрачно-голубые завитки дыма, причудливыми кольцами поднимавшиеся от его крепкой папиросы, пропитанной опиумом.

— Вы ее не выставите? Да почему же, милейший? По какой причине? Какие вы, художники, странные люди! Вы все на свете готовы сделать, чтобы добиться известности; а как только вы ее добьетесь, вы точно стараетесь от нее отвязаться. Это, по-моему, глупо, ибо что может быть на свете хуже того, что о человеке все говорят? Только одно: когда о нем молчат. А такой портрет, как этот, доставит вас головою выше всех молодых художников Англии, а старых преисполнит чувством зависти, если только старики вообще-то способны на какие-нибудь чувства.

— Я знаю, что вы будете надо мною смеяться, — ответил художник: — но я, право, не могу выставить этот портрет, Я вложил в него слишком много себя самого.

Лорд Генри растянулся на диване и засмеялся.

— Да, я знал, что вы будете смеяться; но, тем не менее, это так.

— Слишком много себя самого! Честное слово, Бэзил, я не знал, что вы до того тщеславны; и я, право, не вижу никакого сходства между вами, — у вас такое суровое, сильное лицо и верные, как уголь, волосы, — и этим юным Адонисом, который словно сотворен из слоновой кости и лепестков розы. Ведь, дорогой мой Бэзил, он — Нарцисс, а вы... гм... конечно, у вас очень одухотворенное выражение лица и все такое; но красота, настоящая красота кончается там, где начинается одухотворенность. Интеллект сам по себе уже есть вид преувеличения, и он нарушает гармонию всякого лица. Как только человек начинает думать, у него лицо превращается в один сплошной нос, или лоб, или что-нибудь такое же ужасное. Посмотрите на выдающихся людей какой угодно ученой профессии. Как они все безобразны! Исключая, конечно, лиц духовных.

But then in the Church they don't think. A bishop keeps on saying at the age of eighty what he was told to say when he was a boy of eighteen, and as a natural consequence he always looks absolutely delightful. Your mysterious young friend, whose name you have never told me, but whose picture really fascinates me, never thinks. I feel quite sure of that. He is some brainless beautiful creature who should be always here in winter when we have no flowers to look at, and always here in summer when we want something to chill our intelligence. Don't flatter yourself, Basil: you are not in the least like him."

"You don't understand me, Harry," answered the artist. "Of course I am not like him. I know that perfectly well. Indeed, I should be sorry to look like him. You shrug your shoulders? I am telling you the truth. There is a fatality about all physical and intellectual distinction, the sort of fatality that seems to dog through history the faltering steps of kings. It is better not to be different from one's fellows. The ugly and the stupid have the best of it in this world. They can sit at their ease and gape at the play. If they know nothing of victory, they are at least spared the knowledge of defeat. They live as we all should live—undisturbed, indifferent, and without disquiet. They neither bring ruin upon others, nor ever receive it from alien hands. Your rank and wealth, Harry; my brains, such as they are—my art, whatever it may be worth; Dorian Gray's good looks—we shall all suffer for what the gods have given us, suffer terribly."

"Dorian Gray? Is that his name?" asked Lord Henry, walking across the studio towards Basil Hallward.

"Yes, that is his name. I didn't intend to tell it to you."

"But why not?"

"Oh, I can't explain. When I like people immensely, I never tell their names to any one. It is like surrendering a part of them. I have grown to love secrecy. It seems to be the one thing that can make modern life mysterious or marvellous to us. The commonest thing is delightful if one only hides it. When I leave town now I never tell my people where I am going. If I did, I would lose all my pleasure. It is a silly habit, I dare say, but somehow it seems to bring a great deal of romance into one's life. I suppose you think me awfully foolish about it?"

"Not at all," answered Lord Henry, "not at all, my dear Basil. You seem to forget that I am married, and the one charm of marriage is that it makes a life of deception absolutely necessary for both parties. I never know where my wife is, and my wife never knows what I am doing. When we meet—we do meet occasionally, when we dine out together, or go down to the Duke's—we tell each other the most absurd stories with the most serious faces. My wife is very good at it—much better, in fact, than I am. She never gets confused over her dates, and I always do. But when she does find me out, she makes no row at all. I sometimes wish she would; but she merely laughs at me."

"I hate the way you talk about your married life, Harry," said Basil Hallward, strolling towards the door that led into the garden. "I believe that you are really a very good husband, but that you are thoroughly ashamed of your own virtues. You are an extraordinary fellow. You never say a moral thing, and you never do a wrong thing. Your cynicism is simply a pose."

"Being natural is simply a pose, and the most irritating pose I know," cried Lord Henry, laughing; and the two young men went out into the garden together and ensconced themselves on a long bamboo seat that stood in the shade of a tall laurel bush. The sunlight slipped over the polished leaves. In the grass, white daisies were tremulous.

Но те ведь никогда и не думают. Епископ и в восемьдесят лет обыкновенно повторяет то, что его учили говорить, когда он был мальчишкой восемнадцати лет, и естественно поэтому, что наружность его навсегда остается приятной. Ваш таинственный юный приятель, имени которого вы не сказали мне, но чей портрет меня прямо восхищает, наверное, не мыслит никогда. Я в этом совершенно уверен. Он — безмозглое, прелестное создание, и его надлежало бы всегда иметь здесь зимой, когда нет цветов, на которые можно смотреть, и летом, когда чувствуешь потребность охладить свои мысли. Пожалуйста, не льстите себе самому, милый Бэзил; вы ни капельки на него не похожи.

— Вы меня не понимаете, Гарри, — ответил художник. — Конечно, я не похож на него. Я это знаю прекрасно. И, право, я бы очень жалел, если бы оказался похож на него. Вы пожимаете плечами? Я говорю вам правду. Над всяким физическим или умственным превосходством тяготеет какой-то рок, тот самый, который на всем протяжении истории преследует нетвердую поступь царей. Лучше не отличаться от других. Уроды и дураки в этом мире всегда остаются в барышах. Они могут спокойно сидеть и празднично взирать на то, как играют другие. Если они не знают побед, зато не знают поражений. Они живут так, как все мы должны бы жить: невозмутимо, равнодушно, не зная тревог. Они никому не приносят гибели и сами не гибнут от вражеских рук. Ваше положение и богатство, Гарри; мой ум, каков бы он ни был, мое искусство, какова бы ни была ея цена; красота Дориана Грея — за все эти дары богов мы заплатим когда-нибудь страданием, страшным страданием.

— Дориан Грей? Его так зовут? — спросил лорд Генри, медленно переходя через всю мастерскую к Бэзилу Холлуорду.

— Да, его так зовут. Вам я не хотел называть его имя.

— Но почему же?

— О, этого я не могу объяснить. Видите ли, когда мне кто-нибудь очень нравится, я никогда никому не скажу его имени. Это почти то же самое, что отдавать его часть другим. Я научился любить таинственность. Ведь только она и может сделать для нас современную жизнь чудесной и загадочной. Всякий пустяк становится интересным, как только начинаешь его скрывать. Когда я теперь уезжаю из города, я никогда не сообщаю своим близким, куда я еду. Если бы я это сделал, все удовольствие поездки было бы для меня потеряно. Это глупая привычка, быть может, но она вносит каким-то образом значительную долю романтизма в жизнь. Конечно, вы все это считаете ужасно глупым?

— Совсем нет, — ответил лорд Генри: — совсем нет, дорогой Бэзил. Вы, кажется, забываете, что я женат, и что единственная прелесть брака состоит в том, что он делает жизнь, полную обманов, неизбежной для обеих сторон. Я никогда не знаю, где моя жена, а жена моя никогда не знает, что я делаю. При встрече — а изредка мы встречаемся, когда вместе обедаем где-нибудь, или бываем у герцога — мы рассказываем друг другу самые невероятные истории с самыми серьезными лицами. Моя жена хорошо это делает, в сущности, гораздо лучше, чем я. Она никогда не сбивается в числах, а я все всегда перепутаю. Но, когда ей случается меня поймать, она никогда не поднимает истории. Иногда мне даже хотелось бы, чтобы она рассердилась, но она только смеется надо мной.

— Терпеть не могу эту вашу манеру говорить о своей супружеской жизни, Гарри, — молвил Бэзил, подходя к дверям, ведущим в сад. — Я уверен, что вы на самом деле примерный муж, но что вы, в сущности, стыдитесь собственных своих добродетелей. Вы странный человек. Никогда не скажете ничего нравственного, но никогда не совершите ничего безнравственного. Ваш цинизм просто-напросто — поза.

— Быть естественным — поза, и самая раздражающая, какую только я знаю, — смеясь, возгласил лорд Генри.

Молодые люди вышли в сад и уселись на длинной бамбуковой скамейке, под тенью высокого лаврового куста. Лучи солнца скользили по гладкой листе деревьев. В траве дрожали белые маргаритки.

After a pause, Lord Henry pulled out his watch.

"I am afraid I must be going, Basil," he murmured, "and before I go, I insist on your answering a question I put to you some time ago."

"What is that?" said the painter, keeping his eyes fixed on the ground.

"You know quite well."

"I do not, Harry."

"Well, I will tell you what it is. I want you to explain to me why you won't exhibit Dorian Gray's picture. I want the real reason."

"I told you the real reason."

"No, you did not. You said it was because there was too much of yourself in it. Now, that is childish."

"Harry," said Basil Hallward, looking him straight in the face, "every portrait that is painted with feeling is a portrait of the artist, not of the sitter. The sitter is merely the accident, the occasion. It is not he who is revealed by the painter; it is rather the painter who, on the coloured canvas, reveals himself. The reason I will not exhibit this picture is that I am afraid that I have shown in it the secret of my own soul."

Lord Henry laughed. "And what is that?" he asked.

"I will tell you," said Hallward; but an expression of perplexity came over his face.

"I am all expectation, Basil," continued his companion, glancing at him.

"Oh, there is really very little to tell, Harry," answered the painter; "and I am afraid you will hardly understand it. Perhaps you will hardly believe it."

Lord Henry smiled, and leaning down, plucked a pink-petalled daisy from the grass and examined it. "I am quite sure I shall understand it," he replied, gazing intently at the little golden, white-feathered disk, "and as for believing things, I can believe anything, provided that it is quite incredible."

The wind shook some blossoms from the trees, and the heavy lilac-blooms, with their clustering stars, moved to and fro in the languid air. A grasshopper began to chirrup by the wall, and like a blue thread a long thin dragon-fly floated past on its brown gauze wings. Lord Henry felt as if he could hear Basil Hallward's heart beating, and wondered what was coming.

"The story is simply this," said the painter after some time. "Two months ago I went to a crush at Lady Brandon's. You know we poor artists have to show ourselves in society from time to time, just to remind the public that we are not savages. With an evening coat and a white tie, as you told me once, anybody, even a stock-broker, can gain a reputation for being civilised. Well, after I had been in the room about ten minutes, talking to huge overdressed dowagers and tedious academicians, I suddenly became conscious that some one was looking at me. I turned half-way round and saw Dorian Gray for the first time. When our eyes met, I felt that I was growing pale. A curious sensation of terror came over me. I knew that I had come face to face with some one whose mere personality was so fascinating that, if I allowed it to do so, it would absorb my whole nature, my whole soul, my very art itself. I did not want any external influence in my life. You know yourself, Harry, how independent I am by nature. I have always been my own master; had at least always been so, till I met Dorian Gray. Then—but I don't know how to explain it to you. Something seemed to tell me that I was on the verge of a terrible crisis in my life. I had a strange feeling that fate had in store for me exquisite joys and exquisite sorrows. I grew afraid and turned to quit the room. It was not conscience that made me do so: it was a sort of cowardice. I take no credit to myself for trying to escape."

Они помолчали. Лорд Генри взглянул на часы.

— К сожалению, мне сейчас надо идти, Бэзил, — сказал он: — но я не уйду, куда вы не ответите мне на тот мой вопрос...

— Какой вопрос? — спросил Бэзил Холлуорд, не поднимая глаз от земли.

— Вы прекрасно знаете — какой.

— Нет, не знаю, Гарри.

— В таком случае я вам скажу. Я хочу, чтобы вы объяснили мне, почему вы не желаете выставить портрет Дориана Грея. Я хочу знать настоящую причину.

— Я сказал вам настоящую причину.

— Нет. Вы сказали, что вложили в этот портрет слишком много себя самого. Но ведь это ребячество!

— Гарри! — сказал Бэзил Холлуорд, глядя ему прямо в глаза. — Каждый портрет, написанный с чувством, есть, в сущности, портрет художника, а отнюдь не его модели. Модель — это просто случайность. Не ее раскрывает на полотне художник, а скорее самого себя. Потому-то я и не выставляю этот портрет, что боюсь, не раскрыл ли я в нем тайну своей собственной души.

Лорд Генри засмеялся.

— Что же это за тайна? — спросил он.

— Я скажу вам, — ответил Холлуорд, но выражение замешательства появилось у него на лице.

— Я весь ожидание, Бэзил, — продолжал его собеседник и посмотрел на него.

— О, говорить-то тут почти нечего, Гарри, — ответил художник. — Но вряд ли вы это поймете. А пожалуй, вряд ли и поверите.

Лорд Генри улыбнулся, наклонился и, сорвавши в траве бледно-розовую маргаритку, принялся ее рассматривать.

— Я совершенно уверен, что пойму все, — возразил он, пристально разглядывая маленький, золотистый кружок, опушенный белыми лепестками: — что же касается веры, то я поверю чему угодно, лишь бы оно было совсем невероятно.

Порыв ветра стряхнул с деревьев несколько лепестков, а тяжелые гроздьи сирени, мириады крошечных звездочек, заколыхались в сонном воздухе. Кузнечик затрещал у стены; и, словно синяя нить, длинная, тоненькая стрекоза пронеслась мимо на своих темных газовых крылышках. Лорду Генри показалось, что он слышит биение сердца Бэзиля Холлуорда, и он удивленно ждал, что будет дальше.

— Дело попросту вот в чем, — сказал через некоторое время художник, — Два месяца тому назад мне пришлось быть на рауте у леди Брэндон. Вы знаете, мы, бедные художники, должны время от времени появляться в обществе только для того, чтобы напомнить людям, что мы не совсем дикари. Во фраке и белом галстуке, по вашему собственному выражению, всякий, даже биржевой маклер, может приобрести репутацию цивилизованного человека. Ну, вот, войдя в залу и поболтав минут десять с разными разодетыми титулованными вдовицами и скучными академиками, я вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Я повернулся в пол-оборота и в первый раз в жизни увидел Дориана Грея. Когда наши глаза встретились, я почувствовал, что бледнею. Странный ужас охватил меня. Я понял, что столкнулся с человеком, самая личность которого была так обаятельна, что, если бы я только поддался, она могла бы поглотить все мое существо, всю душу, даже самое мое искусство. Я не хотел, чтобы на мою жизнь кто-нибудь влиял со стороны. Вы ведь сами знаете, Гарри, насколько я независим по природе. Я всегда была, сам себе господин, по крайней мере, до встречи с Дорианом Греем. А тут... но я не знаю, как это вам объяснить... Что-то подсказало мне, что в моей жизни сейчас совершится ужасный какой-то перелом. Я как бы почувствовал, что судьба заготовила для меня изысканные радости и какие-то изысканные муки. Мне стало страшно, и я повернулся, чтобы покинуть комнату. Не совесть побудила меня так поступить, а скорее какая-то трусость. И я не могу поставить себе в заслугу это желание убежать.

“Conscience and cowardice are really the same things, Basil. Conscience is the trade-name of the firm. That is all.”

“I don’t believe that, Harry, and I don’t believe you do either. However, whatever was my motive—and it may have been pride, for I used to be very proud—I certainly struggled to the door. There, of course, I stumbled against Lady Brandon. ‘You are not going to run away so soon, Mr. Hallward?’ she screamed out. You know her curiously shrill voice?”

“Yes; she is a peacock in everything but beauty,” said Lord Henry, pulling the daisy to bits with his long nervous fingers.

“I could not get rid of her. She brought me up to royalties, and people with stars and garters, and elderly ladies with gigantic tiaras and parrot noses. She spoke of me as her dearest friend. I had only met her once before, but she took it into her head to lionise me. I believe some picture of mine had made a great success at the time, at least had been chattered about in the penny newspapers, which is the nineteenth-century standard of immortality. Suddenly I found myself face to face with the young man whose personality had so strangely stirred me. We were quite close, almost touching. Our eyes met again. It was reckless of me, but I asked Lady Brandon to introduce me to him. Perhaps it was not so reckless, after all. It was simply inevitable. We would have spoken to each other without any introduction. I am sure of that. Dorian told me so afterwards. He, too, felt that we were destined to know each other.”

“And how did Lady Brandon describe this wonderful young man?” asked his companion. “I know she goes in for giving a rapid *précis* of all her guests. I remember her bringing me up to a truculent and red-faced old gentleman covered all over with orders and ribbons, and hissing into my ear, in a tragic whisper which must have been perfectly audible to everybody in the room, the most astounding details. I simply fled. I like to find out people for myself. But Lady Brandon treats her guests exactly as an auctioneer treats his goods. She either explains them entirely away, or tells one everything about them except what one wants to know.”

“Poor Lady Brandon! You are hard on her, Harry!” said Hallward listlessly.

“My dear fellow, she tried to found a *salon*, and only succeeded in opening a restaurant. How could I admire her? But tell me, what did she say about Mr. Dorian Gray?”

“Oh, something like, ‘Charming boy—poor dear mother and I absolutely inseparable. Quite forget what he does—afraid he—doesn’t do anything—oh, yes, plays the piano—or is it the violin, dear Mr. Gray?’ Neither of us could help laughing, and we became friends at once.”

“Laughter is not at all a bad beginning for a friendship, and it is far the best ending for one,” said the young lord, plucking another daisy.

Hallward shook his head. “You don’t understand what friendship is, Harry,” he murmured—“or what enmity is, for that matter. You like every one; that is to say, you are indifferent to every one.”

“How horribly unjust of you!” cried Lord Henry, tilting his hat back and looking up at the little clouds that, like ravelled skeins of glossy white silk, were drifting across the hollowed turquoise of the summer sky. “Yes; horribly unjust of you. I make a great difference between people. I choose my friends for their good looks, my acquaintances for their good characters, and my enemies for their good intellects. A man cannot be too careful in the choice of his enemies. I have not got one who is a fool. They are all men of some intellectual power, and consequently they all appreciate me. Is that very vain of me? I think it is rather vain.”

— Совесть и трусость, право, одно и то же. Совесть — это лишь вывеска фирмы. Вот и все.

— Я этому не верю, Гарри; я даже не верю, что этому верите вы. Во всяком случае, каково бы ни было мое побуждение, — может быть, это была гордость, так как я всегда был очень горд, — я стал протискиваться к дверям. Но там я, конечно, натолкнулся на леди Брэндон. — «Вы не собираетесь ли убежать так рано, мистер Холлуорд?» — закричала она. Ведь вы знаете ее изумительно-резкий голос?

— Да, она — павлин во всех отношениях, только не в отношении красоты, — сказал лорд Генри, разрывая в клочки маргаритку своими тонкими, нервными пальцами.

— Я не мог от нее отделаться. Она стала подводить меня к высочайшим особам, разным сановникам в звездах и орденах, к старым дамам в гигантских диадемах и с такими носами, как у попугаев. Она говорила обо мне, как о своем лучшем друге. До тех пор я лишь однажды видел ее, но она во что бы то ни стало, желала, по-видимому, раздуть меня в знаменитость. Кажется, какая-то из моих картин имела в то время большой успех; по крайней мере, о ней кричали разные газеты, что в XIX веке должно служить мерилом бессмертия. Вдруг я очутился лицом к лицу с тем молодым человеком, внешность которого так странно поразила меня. Мы были близко, почти касались друг друга. Взоры наши встретились опять. Это было безрассудством с моей стороны, но я попросил леди Брэндон познакомить меня с ним. В конце концов, может быть, это и не было уж таким безрассудством. Это было просто неизбежно. Мы бы все равно заговорили друг с другом и безо всяких представлений. Я в этом уверен. Дориан мне потом сказал то же самое. Он также почувствовал, что нам суждено было встретиться.

— А что же говорила вам леди Брэндон об этом чудесном юноше? — спросил лорд Генри. — Я ведь знаю ее привычку давать беглый *grécis* каждого из ее гостей. Помню, как она раз подвела меня к какому-то суровому, багрянолицему старцу, увешанному орденами и лентами, и начала шептать мне на ухо трагическим шепотом, слышным для всех присутствовавших, самые чудовищные о нем подробности. Я сбежал. Я люблю узнавать людей сам. Но бедная леди Брэндон обращается со своими гостями, как аукционер со своим товаром. Она рассказывает вам о них всякие ничтожные подробности, или же говорит вам все, кроме того, что бы вы хотели знать.

— Бедная леди Брэндон! Вы слишком жестоки к ней, Гарри, — ответил рассеянно Холлуорд.

— Мой милый, она пыталась основать салон, а ей удалось просто открыть у себя ресторан. Как же мне восторгаться ею? Но скажите мне, что она вам сообщила про Дориана Грея?

О, что-то в роде; «Прелестный юноша... мы были неразлучны с его бедной матерью... Я забыла, чем он занимается... боюсь, что ничем... ах, да! играет на рояле... или на скрипке, не так ли, дорогой мистер Грей?» Мы оба не могли удержаться от смеха и сразу стали друзьями.

— Смех — недурное начало для дружбы и, пожалуй, лучший конец для нее, — заметил лорд Генри, срывая другую маргаритку.

Холлуорд покачал головой.

— Вы, Гарри, не понимаете ни дружбы, ни вражды. Вы любите всех равно, то есть вы ко всем равнодушны...

— Как ужасно вы несправедливы! — воскликнул лорд Генри, сдвигая на затылок шляпу и поглядывая вверх на маленькие тучки, что, подобно спутанному клубкам блестящего белого шелка, плыли мимо по бирюзовому куполу летнего неба. — Да, ужасно несправедливы! Я очень различаю людей. Я выбираю себе друзей за их внешность, знакомых — за их хорошую репутацию, и врагов — за их ум. Человек никогда не может быть достаточно осторожным в выборе своих врагов. У меня нет среди них ни одного дурака. Все они — люди с известными умственными достоинствами, и потому все они меня ценят. Разве это очень тщеславно с моей стороны? Мне кажется, это немного тщеславно.

"I should think it was, Harry. But according to your category I must be merely an acquaintance."

"My dear old Basil, you are much more than an acquaintance."

"And much less than a friend. A sort of brother, I suppose?"

"Oh, brothers! I don't care for brothers. My elder brother won't die, and my younger brothers seem never to do anything else."

"Harry!" exclaimed Hallward, frowning.

"My dear fellow, I am not quite serious. But I can't help detesting my relations. I suppose it comes from the fact that none of us can stand other people having the same faults as ourselves. I quite sympathise with the rage of the English democracy against what they call the vices of the upper orders. The masses feel that drunkenness, stupidity, and immorality should be their own special property, and that if any one of us makes an ass of himself, he is poaching on their preserves. When poor Southwark got into the divorce court, their indignation was quite magnificent. And yet I don't suppose that ten per cent of the proletariat live correctly."

"I don't agree with a single word that you have said, and, what is more, Harry, I feel sure you don't either."

Lord Henry stroked his pointed brown beard and tapped the toe of his patent-leather boot with a tasselled ebony cane.

"How English you are Basil! That is the second time you have made that observation. If one puts forward an idea to a true Englishman—always a rash thing to do—he never dreams of considering whether the idea is right or wrong. The only thing he considers of any importance is whether one believes it oneself. Now, the value of an idea has nothing whatsoever to do with the sincerity of the man who expresses it. Indeed, the probabilities are that the more insincere the man is, the more purely intellectual will the idea be, as in that case it will not be coloured by either his wants, his desires, or his prejudices. However, I don't propose to discuss politics, sociology, or metaphysics with you. I like persons better than principles, and I like persons with no principles better than anything else in the world. Tell me more about Mr. Dorian Gray. How often do you see him?"

"Every day. I couldn't be happy if I didn't see him every day. He is absolutely necessary to me."

"How extraordinary! I thought you would never care for anything but your art."

"He is all my art to me now," said the painter gravely. "I sometimes think, Harry, that there are only two eras of any importance in the world's history. The first is the appearance of a new medium for art, and the second is the appearance of a new personality for art also. What the invention of oil-painting was to the Venetians, the face of Antinoüs was to late Greek sculpture, and the face of Dorian Gray will some day be to me. It is not merely that I paint from him, draw from him, sketch from him. Of course, I have done all that. But he is much more to me than a model or a sitter. I won't tell you that I am dissatisfied with what I have done of him, or that his beauty is such that art cannot express it. There is nothing that art cannot express, and I know that the work I have done, since I met Dorian Gray, is good work, is the best work of my life. But in some curious way—I wonder will you understand me?—his personality has suggested to me an entirely new manner in art, an entirely new mode of style.

I see things differently, I think of them differently. I can now recreate life in a way that was hidden from me before. 'A dream of form in days of thought'—who is it who says that? I forget; but it is what Dorian Gray has been to me. The merely visible presence of this lad—for he seems to me little more than a lad, though he is really over

— Мне это тоже кажется, Гарри. Но, согласно вашему определению, я, должно быть, у вас оказываюсь только простым знакомым.

— Любезнейший Бэзил, вы больше, чем просто знакомый.

— И меньше, чем друг. Нечто вроде брата, вероятно?

— Ну, братья! Я не очень-то их люблю! Мой старший брат никак не желает умереть, а младшие только это и делают.

— Гарри! — воскликнул, нахмурившись, Холлуорд.

— Милый мой, я ведь говорю не совсем серьезно. Но я не могу любить своих родственников. Я думаю, это происходит оттого, что мы не можем выносить людей с теми же недостатками, что и у нас самих. Я вполне сочувствую английской демократии в ее озлоблении против того, что она называет пороками высших классов. Народные массы чувствуют, что пьянство, глупость и безнравственность должны быть их собственным достоянием, и что если кто-нибудь из нас делает глупость, то он посягает на их привилегии. Когда против бедного Саутворка был начат бракоразводный процесс, то ведь их негодование было просто бесподобно. А между тем я, но думаю, чтобы хоть десять процентов из людей низшего класса жило вполне нравственно.

— Я не согласен ни с одним словом из всего того, что вы сейчас говорили, Гарри; и даже более того, — я думаю, что и сами-то вы не согласны с собою.

Лорд Генри погладил острую темную бородку и постучал по своим лакированным башмакам кончиком эбеновой трости, украшенной кисточками.

— Какой вы типичный англичанин, Бэзил. Вы вторично делаете одно и то же замечание. Если кто-нибудь развивает какую-нибудь мысль пред англичанином, — что всегда неосторожно, — последний никогда не задается вопросом, правильна она или нет. Единственно, что ему важно, это верит ли сам человек в то, что он говорит. А между тем ценность какой-нибудь мысли никогда не зависит от искренности человека, который ее высказывает. Наоборот, по всей вероятности, чем меньше у человека искренности, тем разумнее должна быть сама мысль, так как в таком случае она не отражает ни его желаний, ни его нужд, ни его предрассудков. Но я не собираюсь обсуждать с вами политические, социологические или метафизические вопросы. Я больше люблю людей, чем принципы, а людей без принципов больше всего на свете. Расскажите мне еще о Дориане Грее. Часто вы с ним видаетесь?

— Ежедневно. Я не чувствовал бы себя счастливым, не встречаясь с ним каждый день. Он абсолютно мне необходим.

— Как странно! Я не думал, что когда-либо вы будете любить что-нибудь, кроме вашего искусства.

— Он теперь для меня — само искусство, — серьезно сказал художник. — Порою я думаю, Гарри, что в истории человечества есть только две мало-мальски значительные эры. Первая — это открытие нового средства выражения в искусстве, и вторая — появление новой индивидуальности в искусстве же. Со временем лицо Дориана Грея будет для меня иметь то же значение, какое для венецианцев имело открытие масляных красок, или для позднейшей греческой скульптуры — лицо Антиноя. Я не только рисую, пишу с Дориана, — конечно, я все это уже проделал. Нет, он для меня больше, чем простая модель. Я не скажу, будто я недоволен тем, как я его написал, или будто его красота такова, что она не поддается искусству. В сущности, на свете нет ничего, что не может быть выражено искусством; и я знаю, что все, написанное мною после встречи с Дорианом Греем, — хорошо, — даже лучше всего, что я сделал за всю мою жизнь. Но каким-то странным образом — не знаю, поймете ли вы меня — его индивидуальность внушила мне совершенно новую манеру в искусстве, совершенно новый стиль.

Я вижу вещи иными, познаю их иначе. Теперь я могу воссоздать жизнь в таких формах, которые раньше были скрыты от меня. «Греза о форме во дни размышлений» — кто это сказал? Не помню; но вот чем для меня стал Дориан Грей. Уж одно присутствие этого мальчика — мне он кажется почти мальчиком, хотя ему уже за двад-

twenty—his merely visible presence—ah! I wonder can you realise all that that means? Unconsciously he defines for me the lines of a fresh school, a school that is to have in it all the passion of the romantic spirit, all the perfection of the spirit that is Greek. The harmony of soul and body—how much that is! We in our madness have separated the two, and have invented a realism that is vulgar, an ideality that is void. Harry! if you only knew what Dorian Gray is to me! You remember that landscape of mine, for which Agnew offered me such a huge price but which I would not part with? It is one of the best things I have ever done. And why is it so? Because, while I was painting it, Dorian Gray sat beside me. Some subtle influence passed from him to me, and for the first time in my life I saw in the plain woodland the wonder I had always looked for and always missed.”

“Basil, this is extraordinary! I must see Dorian Gray.”

Hallward got up from the seat and walked up and down the garden. After some time he came back. “Harry,” he said, “Dorian Gray is to me simply a motive in art. You might see nothing in him. I see everything in him. He is never more present in my work than when no image of him is there. He is a suggestion, as I have said, of a new manner. I find him in the curves of certain lines, in the loveliness and subtleties of certain colours. That is all.”

“Then why won’t you exhibit his portrait?” asked Lord Henry.

“Because, without intending it, I have put into it some expression of all this curious artistic idolatry, of which, of course, I have never cared to speak to him. He knows nothing about it. He shall never know anything about it. But the world might guess it, and I will not bare my soul to their shallow prying eyes. My heart shall never be put under their microscope. There is too much of myself in the thing, Harry—too much of myself!”

“Poets are not so scrupulous as you are. They know how useful passion is for publication. Nowadays a broken heart will run to many editions.”

“I hate them for it,” cried Hallward. “An artist should create beautiful things, but should put nothing of his own life into them. We live in an age when men treat art as if it were meant to be a form of autobiography. We have lost the abstract sense of beauty. Some day I will show the world what it is; and for that reason the world shall never see my portrait of Dorian Gray.”

“I think you are wrong, Basil, but I won’t argue with you. It is only the intellectually lost who ever argue. Tell me, is Dorian Gray very fond of you?”

The painter considered for a few moments. “He likes me,” he answered after a pause; “I know he likes me. Of course I flatter him dreadfully. I find a strange pleasure in saying things to him that I know I shall be sorry for having said. As a rule, he is charming to me, and we sit in the studio and talk of a thousand things. Now and then, however, he is horribly thoughtless, and seems to take a real delight in giving me pain. Then I feel, Harry, that I have given away my whole soul to some one who treats it as if it were a flower to put in his coat, a bit of decoration to charm his vanity, an ornament for a summer’s day.”

“Days in summer, Basil, are apt to linger,” murmured Lord Henry. “Perhaps you will tire sooner than he will. It is a sad thing to think of, but there is no doubt that genius lasts longer than beauty. That accounts for the fact that we all take such pains to over-educate ourselves. In the wild struggle for existence, we want to have something that endures, and so we fill our minds with rubbish and facts, in the silly hope of keeping our place. The thoroughly well-informed man—that is the modern ideal. And the mind of the thoroughly well-informed man is a dreadful thing. It is like a bric-à-brac shop, all monsters and dust, with everything priced above its proper value. I think you will tire first, all the same. Some day you will look at your friend, and he will seem to you to be a little out of drawing, or

цать... — одно уж его присутствие... ах! не знаю, можете ли вы себе представить все значение этого? Он бессознательно выясняет для меня контуры новой школы, в которой должны слиться вся страстность романтизма и все совершенство классицизма. Гармония души и тела, — как это много. В нашем безумии мы разлучили эти две сущности и выдумали вульгарный реализм и пустой идеализм. Гарри! Если бы вы только знали, что такое для меня Дориан Грей! Помните мой пейзаж, за который Аньо предлагал мне такую высокую цену, а я не хотел с ним расстаться? Это одна из лучших моих вещей. А почему? Потому что, когда я писал ее, Дориан Грей сидел рядом со мной. Какая-то неуловимая мне сила передалась от него, и я впервые в жизни увидел в обыкновеннейших деревьях — чудо, которого я постоянно и напрасно искал.

— Бэзил, это поразительно. Я должен видеть Дориана Грея.

Холлуорд встал и быстро зашагал взад и вперед по саду. Немного погодя он вернулся.

— Гарри, — сказал он: — Дориан Грей для меня — вдохновение в искусстве. Вы, может быть, ничего в нем не увидите. Я вижу в нем все. Нигде его влияние не выражается так сильно, как в тех произведениях, где его собственный образ отсутствует. Просто, как я уже говорил, он внушает мне новую манеру, новый стиль. Я нахожу его в изгибе некоторых линий, в прелести и нежности некоторых тонов. Вот и все.

— Тогда почему же вы не хотите выставить его портрет? — спросил лорд Генри.

— Потому что, сам не сознавая, я вложил в него какое-то проявление того странного художественного идолопоклонства, о котором я, конечно, никогда не заговаривал с ним. Он ничего об этом не знает. Он никогда ничего не узнает об этом. Но люди могут догадаться; а я не обнажу своей души перед их пустым и любопытным взором. Я никогда не подставлю своего сердца под их микроскоп. В этой картине слишком много меня самого, Гарри, слишком много меня самого.

Поэты не так шепетильны, как вы. Они знают, насколько страсть полезна для распространения книги. В наше время разбитое сердце выдерживает множество изданий.

— Я их ненавижу за это! — воскликнул Холлуорд. Художник должен создавать прекрасные произведения, но не должен в них вкладывать ни частицы своей личной жизни. Мы живем в такой век, когда люди смотрят на искусство, как на какую-то автобиографию. Мы забыли, что такое отвлеченное чувство красоты. Если мне суждено еще прожить, я покажу людям, каково оно, и потому мир никогда не увидит моего портрета Дориана Грея.

— Мне кажется, вы неправы, Бэзил; но я не буду с вами спорить. Только люди умственно несостоятельные спорят. Скажите мне, Дориан Грей очень привязан к вам?

Художник на несколько мгновений задумался.

— Он меня любит, — ответил он, помолчав немного: — я знаю, он меня любит. Конечно, я ему говорю много лестного. Я нахожу странное удовольствие говорить ему такие слова, о которых потом сожалею. А он, в общем, очень мил со мною, и мы часто сидим у меня в мастерской, беседуем о тысяче разных вещей. Но иногда он бывает ужасно небрежен, и ему, кажется, доставляет истинное удовольствие огорчать меня. Тогда, Гарри, я чувствую, что отдал всю свою душу человеку, обращающемуся с ней не лучше, чем с каким-нибудь цветком, который можно сунуть в петлицу своего сюртука, или с каким-нибудь значком, удовлетворяющим его тщеславию, или с развлечением для летнего дня.

— Летние дни бывают продолжительны, Бэзил, — проронил лорд Генри. — Быть может, он вам прискутит раньше, чем вы ему. Это, конечно, печально; но ведь гений несомненно, долговечнее красоты. Этим именно объясняется наше стремление стать как можно более образованными. В дикой борьбе за существование мы хотим иметь на своей стороне что-нибудь непреходящее, и потому загромождаем свой ум всяким вздором и всякими фактами, в глупой надежде удержать позицию за, собой. Прекрасно осведомленный человек — вот современный идеал. А ум прекрасного осведомленного человека — ужасная вещь. Это как лавка антиквария: всюду разные чудища и пыль, и все оценивается выше своей настоящей цены. И все-таки я думаю, что вы утомитесь первый. В один пре-

you won't like his tone of colour, or something. You will bitterly reproach him in your own heart, and seriously think that he has behaved very badly to you. The next time he calls, you will be perfectly cold and indifferent. It will be a great pity, for it will alter you. What you have told me is quite a romance, a romance of art one might call it, and the worst of having a romance of any kind is that it leaves one so unromantic."

"Harry, don't talk like that. As long as I live, the personality of Dorian Gray will dominate me. You can't feel what I feel. You change too often."

"Ah, my dear Basil, that is exactly why I can feel it. Those who are faithful know only the trivial side of love: it is the faithless who know love's tragedies." And Lord Henry struck a light on a dainty silver case and began to smoke a cigarette with a self-conscious and satisfied air, as if he had summed up the world in a phrase. There was a rustle of chirruping sparrows in the green lacquer leaves of the ivy, and the blue cloud-shadows chased themselves across the grass like swallows. How pleasant it was in the garden! And how delightful other people's emotions were!—much more delightful than their ideas, it seemed to him. One's own soul, and the passions of one's friends—those were the fascinating things in life. He pictured to himself with silent amusement the tedious luncheon that he had missed by staying so long with Basil Hallward. Had he gone to his aunt's, he would have been sure to have met Lord Hoodbody there, and the whole conversation would have been about the feeding of the poor and the necessity for model lodging-houses. Each class would have preached the importance of those virtues, for whose exercise there was no necessity in their own lives. The rich would have spoken on the value of thrift, and the idle grown eloquent over the dignity of labour. It was charming to have escaped all that! As he thought of his aunt, an idea seemed to strike him. He turned to Hallward and said, "My dear fellow, I have just remembered."

"Remembered what, Harry?"

"Where I heard the name of Dorian Gray."

"Where was it?" asked Hallward, with a slight frown.

"Don't look so angry, Basil. It was at my aunt, Lady Agatha's. She told me she had discovered a wonderful young man who was going to help her in the East End, and that his name was Dorian Gray. I am bound to state that she never told me he was good-looking. Women have no appreciation of good looks; at least, good women have not. She said that he was very earnest and had a beautiful nature. I at once pictured to myself a creature with spectacles and lank hair, horribly freckled, and tramping about on huge feet. I wish I had known it was your friend."

"I am very glad you didn't, Harry."

"Why?"

"I don't want you to meet him."

"You don't want me to meet him?"

"No."

"Mr. Dorian Gray is in the studio, sir," said the butler, coming into the garden.

"You must introduce me now," cried Lord Henry, laughing.

The painter turned to his servant, who stood blinking in the sunlight. "Ask Mr. Gray to wait, Parker: I shall be in in a few moments." The man bowed and went up the walk.

Then he looked at Lord Henry. "Dorian Gray is my dearest friend," he said. "He has a simple and a beautiful nature. Your aunt was quite right in what she said of him. Don't spoil him. Don't try to influence him. Your influence would be bad. The world is wide, and has many marvellous people in it. Don't take away from me the one person who gives to my art whatever charm it possesses: my life as an artist depends on him. Mind, Harry, I trust you." He spoke very slowly, and the words seemed wrung out of him almost against his will.

"What nonsense you talk!" said Lord Henry, smiling, and taking Hallward by the arm, he almost led him into the house.

красный день вы посмотрите на Дориана Грея, и он покажется вам не совсем подходящей моделью; или вам не понравится его тоне, или еще что-нибудь. Вы станете горько упрекать его в глубине души и будете серьезно думать, что он нехорошо с вами поступил. В следующий его приход вы будете совершенно холодны и равнодушны. Будет очень жаль, так как вы переменитесь. То, что вы мне рассказали, — совсем роман, художественный роман, как можно было бы назвать его, а самое худшее во всяком романе — это то, что он делает человека совершенно неромантичным.

— Гарри, не говорите так! Пока я жив, образ Дориана Грея будет властвовать надо мною. Вы не можете чувствовать того, что чувствую я. Вы сами так часто меняетесь.

— Ах, дорогой Бэзил, вот именно потому-то я и могу это чувствовать. Тот, кто верен неизменно, знает лишь легкомысленные стороны любви: только те, кто изменяют, познают ее трагедии.

Лорд Генри достал спичку из серебряной, изящной спичечницы и с самодовольным видом закурил папиросу, как будто он подвел единой фразой итог всему мирозданию. В зеленой, точно лакированной листве плюща с чириканьем вспорхнули воробьи, и синие тени облаков, словно ласточки, гонялись по траве друг за другом. Как хорошо в саду! И как очаровательны людские чувства, гораздо больше, чем мысли, — так казалось лорду Генри. Собственная душа и страсти друзей — вот самые очаровательные вещи на свете. Он представил себе, смеясь, скучный завтрак, который он прозвал, засидевшись у Бэзиля Холлуорда. Если б он отправился к своей тетке, он, наверное, встретил бы там какого-нибудь лорда Гудбоди, и весь разговор вертелся бы на пище для бедных и на необходимости устройства образцовых дешевых квартир. Каждый класс проповедовал бы те добродетели, в которых не нужно упражняться ему самому. Богачи говорили бы о ценности бережливости, а бездельники красноречиво доказывали бы благородство труда. Как приятно было избавиться от всего этого! При воспоминании о тетке, его как будто осенила какая-то мысль. Он обернулся к Холлуорду и сказал:

— Мой друг, я сейчас припомнил.

— Что, Гарри?

— Где я слышал имя Дориана Грея.

— Где же? — спросил Холлуорд, слегка нахмурившись.

— Не глядите так сердито, Бэзил. Это было у моей тетки, леди Агагы. Она сказала мне, что открыла чудесного юношу, который обещал помочь ей в Ист-Энде, и что зовут его Дориан Грей. Я должен добавить, что она никогда не говорила мне о его красоте. Женщины не умеют ценить красивую внешность, по крайней мере — добродетельные женщины. Она говорила, что он очень серьезен и отзывчив. Я сразу представил себе существо в очках, с жидкими волосами, в ужасных веснушках и на длинных, нескладных ногах. Жалко, что я не знал, что это и есть ваш друг.

— Я очень рад, что вы не знали этого, Гарри.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы вы с ним познакомились.

— Вы не хотите, чтоб я с ним познакомился?

— Нет.

— Мистер Дориан Грей в мастерской, сэр, — доложил, сойдя в сад, дворецкий.

— Теперь уж вам придется меня с ним познакомить! — со смехом заметил лорд Генри.

Художник обернулся к слуге, который стоял, шурясь от солнца.

— Донник, всем моим существом завишу от него. Знайте, Гарри, я доверяю вам.

Холлуорд говорил очень медленно, и слова, казалось, срывались с его губ почти против воли.

— Что за глупости вы говорите! — сказал лорд Генри с улыбкой и, взяв под руку Холлуорда, почти силой повел его в дом.

CHAPTER 2

As they entered they saw Dorian Gray. He was seated at the piano, with his back to them, turning over the pages of a volume of Schumann's "Forest Scenes." "You must lend me these, Basil," he cried. "I want to learn them. They are perfectly charming."

"That entirely depends on how you sit to-day, Dorian."

"Oh, I am tired of sitting, and I don't want a life-sized portrait of myself," answered the lad, swinging round on the music-stool in a wilful, petulant manner. When he caught sight of Lord Henry, a faint blush coloured his cheeks for a moment, and he started up. "I beg your pardon, Basil, but I didn't know you had any one with you."

"This is Lord Henry Wotton, Dorian, an old Oxford friend of mine. I have just been telling him what a capital sitter you were, and now you have spoiled everything."

"You have not spoiled my pleasure in meeting you, Mr. Gray," said Lord Henry, stepping forward and extending his hand. "My aunt has often spoken to me about you. You are one of her favourites, and, I am afraid, one of her victims also."

"I am in Lady Agatha's black books at present," answered Dorian with a funny look of penitence. "I promised to go to a club in Whitechapel with her last Tuesday, and I really forgot all about it. We were to have played a duet together—three duets, I believe. I don't know what she will say to me. I am far too frightened to call."

"Oh, I will make your peace with my aunt. She is quite devoted to you. And I don't think it really matters about your not being there. The audience probably thought it was a duet. When Aunt Agatha sits down to the piano, she makes quite enough noise for two people."

"That is very horrid to her, and not very nice to me," answered Dorian, laughing.

Lord Henry looked at him. Yes, he was certainly wonderfully handsome, with his finely curved scarlet lips, his frank blue eyes, his crisp gold hair. There was something in his face that made one trust him at once. All the candour of youth was there, as well as all youth's passionate purity. One felt that he had kept himself unspotted from the world. No wonder Basil Hallward worshipped him.

"You are too charming to go in for philanthropy, Mr. Gray—far too charming." And Lord Henry flung himself down on the divan and opened his cigarette-case.

The painter had been busy mixing his colours and getting his brushes ready. He was looking worried, and when he heard Lord Henry's last remark, he glanced at him, hesitated for a moment, and then said, "Harry, I want to finish this picture to-day. Would you think it awfully rude of me if I asked you to go away?"

Lord Henry smiled and looked at Dorian Gray. "Am I to go, Mr. Gray?" he asked.

"Oh, please don't, Lord Henry. I see that Basil is in one of his sulky moods, and I can't bear him when he sulks. Besides, I want you to tell me why I should not go in for philanthropy."

"I don't know that I shall tell you that, Mr. Gray. It is so tedious a subject that one would have to talk seriously about it. But I certainly shall not run away, now that you have asked me to stop."

You don't really mind, Basil, do you? You have often told me that you liked your sitters to have some one to chat to."

Hallward bit his lip. "If Dorian wishes it, of course you must stay. Dorian's whims are laws to everybody, except himself."

ГЛАВА II

Войдя в комнату, они увидели Дориана Грея. Он сидел за роялем, спиной к вошедшим, и перелистывал ноты «Waldscenen» Шумана.

— Вы непременно должны дать мне проиграть это, Бэзил! — воскликнул он. — Я хочу их разучить, они восхитительны!

— Это вполне зависит от того, как вы будете сегодня позировать, Дориан.

— Ох, мне надоело позировать, и мне вовсе не надобен портрет в натуральную величину, — ответил юноша, своенравно и шаловливо поворачиваясь на своем табурете.

При виде лорда Генри легкая краска смущения покрыла на мгновение его щеки, и он вскочил.

— Простите, Бэзил, — сказал он: — я не знал, что вы не одни.

— Это лорд Генри Уоттон, мой старый приятель по Оксфорду. Я только что рассказывал ему, как вы прекрасно позируете, а вы взяли да все и испортили.

— Вы во всяком случае не испортили мне удовольствия встретиться с вами, мистер Грей, — сказал лорд Генри, подходя к юноше и пожимая ему руку. — Я много слышал о вас от моей тетки. Вы — один из ее любимцев и, боюсь, в то же время и одна из ее жертв.

— В настоящее время я в немилости у леди Агаты, — ответил Дориан с игриво-покаянным видом. — Я обещал ей, что пойду с нею во вторник куда-то в Уайтчепельский клуб, и совсем позабыл про это. Мы должны были играть в четыре руки, даже, кажется, три пьесы в четыре руки. Не знаю, что она мне скажет при встрече. Я боюсь теперь заезжать к ней!

— Я помиру вас с тетушкой. Она совершенно в восторге от вас. Да я и не думаю, чтобы ваше отсутствие было очень заметно. Публике, наверное, казалось, что играли в четыре руки. Раз тетя Агата усядется за рояль, то уж она шумит за двоих.

— То, что вы говорите о ней, — ужасно и не очень лестно для меня, — смеясь, ответил Дориан.

Лорд Генри взглянул на него. Да, без сомнения, он был необычайно прекрасен. Его алые губы так тонко очерчены; у него открытые голубые глаза и мягкие, золотистые кудри. В его лице было что-то, сразу вызывавшее доверие; в нем сквозила вся непорочность и пылкая чистота юности. Чувствовалось, что жизнь еще не успела загрязнить его. Неудивительно, что Бэзил Холлуорд боготворил его.

— Вы слишком прекрасны, чтобы пускаться в благотворительность, мистер Грей, — да, слишком прекрасны.

Лорд Генри бросился на диван и открыл свой портсигар. Холлуорд был занят приготовлением кистей и красок и имел тревожный вид; услышав же последнее замечание лорда Генри, он взглянул на приятеля и, после легкого колебания, сказал:

— Гарри, мне бы хотелось сегодня закончить свою работу. Вы не очень рассердитесь, если я попрошу вас уйти?

Лорд Генри улыбнулся и взглянул на Дориана Грея.

— Уйти мне, мистер Грей? — спросил он.

— О, пожалуйста, не уходите, лорд Генри! Я вижу, что Бэзил сегодня опять в мрачном настроении, а я терпеть не могу, когда он мрачен. Кроме того, я хочу, чтобы вы объяснили мне, почему я не должен пускаться в благотворительность.

— Не знаю, скажу ли я вам это, мистер Грей. Что такая скучная тема, что о ней пришлось бы говорить серьезно. Но я, конечно, не уйду теперь, раз вы просите меня остаться. Ведь вам это, в сущности, безразлично, Бэзил, не правда ли? Вы часто говорили мне, что любите, когда кто-нибудь занимает того, кто вам позирует.

Холлуорд закусил губу.

— Если Дориан желает этого, то вы, конечно, должны остаться. Капризы Дориана всегда бывают законом для всех, кроме него самого.

Lord Henry took up his hat and gloves.

"You are very pressing, Basil, but I am afraid I must go. I have promised to meet a man at the Orleans. Good-bye, Mr. Gray. Come and see me some afternoon in Curzon Street. I am nearly always at home at five o'clock. Write to me when you are coming. I should be sorry to miss you."

"Basil," cried Dorian Gray, "if Lord Henry Wotton goes, I shall go, too. You never open your lips while you are painting, and it is horribly dull standing on a platform and trying to look pleasant. Ask him to stay. I insist upon it."

"Stay, Harry, to oblige Dorian, and to oblige me," said Hallward, gazing intently at his picture. "It is quite true, I never talk when I am working, and never listen either, and it must be dreadfully tedious for my unfortunate sitters. I beg you to stay."

"But what about my man at the Orleans?"

The painter laughed. "I don't think there will be any difficulty about that. Sit down again, Harry. And now, Dorian, get up on the platform, and don't move about too much, or pay any attention to what Lord Henry says. He has a very bad influence over all his friends, with the single exception of myself."

Dorian Gray stepped up on the dais with the air of a young Greek martyr, and made a little *moue* of discontent to Lord Henry, to whom he had rather taken a fancy. He was so unlike Basil. They made a delightful contrast. And he had such a beautiful voice. After a few moments he said to him, "Have you really a very bad influence, Lord Henry? As bad as Basil says?"

"There is no such thing as a good influence, Mr. Gray. All influence is immoral—immoral from the scientific point of view."

"Why?"

"Because to influence a person is to give him one's own soul. He does not think his natural thoughts, or burn with his natural passions. His virtues are not real to him. His sins, if there are such things as sins, are borrowed. He becomes an echo of some one else's music, an actor of a part that has not been written for him. The aim of life is self-development. To realise one's nature perfectly—that is what each of us is here for. People are afraid of themselves, nowadays. They have forgotten the highest of all duties, the duty that one owes to one's self. Of course, they are charitable. They feed the hungry and clothe the beggar. But their own souls starve, and are naked. Courage has gone out of our race. Perhaps we never really had it. The terror of society, which is the basis of morals, the terror of God, which is the secret of religion—these are the two things that govern us. And yet—"

"Just turn your head a little more to the right, Dorian, like a good boy," said the painter, deep in his work and conscious only that a look had come into the lad's face that he had never seen there before.

"And yet," continued Lord Henry, in his low, musical voice, and with that graceful wave of the hand that was always so characteristic of him, and that he had even in his Eton days, "I believe that if one man were to live out his life fully and completely, were to give form to every feeling, expression to every thought, reality to every dream—I believe that the world would gain such a fresh impulse of joy that we would forget all the maladies of mediaevalism, and return to the Hellenic ideal—to something finer, richer than the Hellenic ideal, it may be. But the bravest man amongst us is afraid of himself. The mutilation of the savage has its tragic survival in the self-denial that mars our lives. We are punished for our refusals. Every impulse that we strive to strangle broods in the mind and poisons us. The body sins once, and has done with its sin, for action is a mode of purification. Nothing remains then but the recollection of a pleasure, or the luxury of

Лорд Генри взялся за шляпу и перчатки.

— Вы очень любезны, Бэзил, но, к сожалению, я должен идти. Я обещал встретиться с одним господином в Орлеанском клубе. До свиданья, мистер Грей. Загляните как-нибудь ко мне на Кёрзон-стрит. Я почти всегда дома около пяти часов. Предупредите меня запиской, когда соберетесь зайти. Мне было бы обидно, если бы вы меня не застали.

— Бэзил, — крикнул Дориан Грей: — если лорд Генри Уоттон уйдет, то и я уйду. Вы никогда рта не открываете во время работы, а стоять на подмостках, стараясь казаться радостным, ужасно скучно. Попросите его остаться, я настаиваю на этом!

— Оставайтесь, Гарри, вы этим обяжете Дориана и меня, — произнес Холлуорд, пристально вглядываясь в свою картину. — Совершенно верно, я не разговариваю во время работы и не слушаю того, что мне говорят. Это должно быть ужасно скучно для моих несчастных моделей. Я очень прошу вас остаться.

— Но что же будет с моим господином в Орлеанском?

Художник рассмеялся.

— Не думаю, чтобы с этой стороны явилось затруднение. Садитесь снова, Гарри. А теперь, Дориан, взойдите на подмостки и не шевелитесь так много... а также... но обращайтесь внимания на то, что будет говорить лорд Генри. Он имеет дурное влияние на всех своих друзей, исключая меня одного.

Дориан взшел на подмостки с видом юного греческого мученика и сделал легкую гримасу неудовольствия лорду Генри, к которому он начинал чувствовать симпатию. Он был так не похож на Холлуорда. Они составляли очаровательный контраст. И у него был такой певучий голос. Несколько минут спустя Дориан спросил:

— Правда, что вы имеете дурное влияние на всех, лорд Генри? Настолько дурное, как уверяет Бэзил?

— Такой вещи, как хорошее влияние, вообще не существует, мистер Грей. Всякое влияние безнравственно, — безнравственно с научной точки зрения.

— Почему?

— Потому что влиять на кого-нибудь, — значит вселять в него свою душу. Человек тогда перестает мыслить своими собственными мыслями и гореть своими собственными страстями. Добродетели уже не его собственные. Его пороки — если только пороки вообще существуют — заимствованы. Он становится отзвуком чужой песни, исполнителем роли, написанной не для него. Цель жизни — само-развитие. Выразить во всей полноте свою сущность — вот зачем каждый из нас живет. Но в наши дни человек боится себя самого. Он забыл высшую из всех обязанностей — обязанность к самому себе. Конечно, люди все очень отзывчивы; они кормят голодного, одевают нагого. Но собственные их души и наги и голодны. Смелость вымерла в нашей расе. Может быть, ее и не было в нас никогда. Страх перед светом, лежащий в основе морали, страх перед Богом, составляющий тайну религии, — вот два начала, которые нами управляют. И все-таки...

— Будьте умницей и поверните голову немного направо, Дориан, — сказал погруженный в работу Холлуорд, заметивший только, что во взгляде у юноши появилось такое выражение, которого он прежде никогда не замечал.

— И все-таки, — продолжал лорд Генри своим низким музыкальным голосом, с тем характерным, грациозным жестом руки, который был ему свойствен еще в годы пребывания в Итоне: — я думаю, что если бы кто-нибудь жил полной и совершенной жизнью, давая форму каждому своему чувству, выражение каждой своей мысли, воплощая каждую мечту, — я думаю, что мир получил бы такой свежий импульс радости, что мы забыли бы все недуги средневековья и вернулись бы к эллинскому идеалу — или, может быть, к чему-то более утонченному и прекрасному, чем эллинский идеал. Но самый смелый из нас боится себя самого. Наше самоотречение — трагический пережиток бывшего самоистязания дикарей. Как оно искажает нашу жизнь! И как мы бываем наказаны за все наши отречения: каждое побуждение, которое мы стараемся задушить, переходит к нам в мозг и отравляет нас. Тело грешит однажды и сейчас же расплавляется за свой грех, ибо в самом грехе заключается искупление. Ничего потом не остается, кроме воспоминания

a regret. The only way to get rid of a temptation is to yield to it. Resist it, and your soul grows sick with longing for the things it has forbidden to itself, with desire for what its monstrous laws have made monstrous and unlawful. It has been said that the great events of the world take place in the brain. It is in the brain, and the brain only, that the great sins of the world take place also. You, Mr. Gray, you yourself, with your rose-red youth and your rose-white boyhood, you have had passions that have made you afraid, thoughts that have fined you with terror, day-dreams and sleeping dreams whose mere memory might stain your cheek with shame—”

“Stop!” faltered Dorian Gray, “stop! you bewilder me. I don’t know what to say. There is some answer to you, but I cannot find it. Don’t speak. Let me think. Or, rather, let me try not to think.”

For nearly ten minutes he stood there, motionless, with parted lips and eyes strangely bright. He was dimly conscious that entirely fresh influences were at work within him. Yet they seemed to him to have come really from himself. The few words that Basil’s friend had said to him—words spoken by chance, no doubt, and with wilful paradox in them—had touched some secret chord that had never been touched before, but that he felt was now vibrating and throbbing to curious pulses.

Music had stirred him like that. Music had troubled him many times. But music was not articulate. It was not a new world, but rather another chaos, that it created in us. Words! Mere words! How terrible they were! How clear, and vivid, and cruel! One could not escape from them. And yet what a subtle magic there was in them! They seemed to be able to give a plastic form to formless things, and to have a music of their own as sweet as that of viol or of lute. Mere words! Was there anything so real as words?

Yes; there had been things in his boyhood that he had not understood. He understood them now. Life suddenly became fiery-coloured to him. It seemed to him that he had been walking in fire. Why had he not known it?

With his subtle smile, Lord Henry watched him. He knew the precise psychological moment when to say nothing. He felt intensely interested. He was amazed at the sudden impression that his words had produced, and, remembering a book that he had read when he was sixteen, a book which had revealed to him much that he had not known before, he wondered whether Dorian Gray was passing through a similar experience. He had merely shot an arrow into the air. Had it hit the mark? How fascinating the lad was!

Hallward painted away with that marvellous bold touch of his, that had the true refinement and perfect delicacy that in art, at any rate comes only from strength. He was unconscious of the silence.

“Basil, I am tired of standing,” cried Dorian Gray suddenly. “I must go out and sit in the garden. The air is stifling here.”

“My dear fellow, I am so sorry. When I am painting, I can’t think of anything else. But you never sat better. You were perfectly still. And I have caught the effect I wanted—the half-parted lips and the bright look in the eyes. I don’t know what Harry has been saying to you, but he has certainly made you have the most wonderful expression. I suppose he has been paying you compliments. You mustn’t believe a word that he says.”

“He has certainly not been paying me compliments. Perhaps that is the reason that I don’t believe anything he has told me.”

“You know you believe it all,” said Lord Henry, looking at him with his dreamy languorous eyes. “I will go out to the garden with you. It is horribly hot in the studio. Basil, let us have something iced to drink, something with strawberries in it.”

“Certainly, Harry. Just touch the bell, and when Parker comes I will tell him what you want. I have got to work up this background, so I will join you later on. Don’t keep

о наслаждении или роскошь сожаления. Единственный способ отделаться от искушения — поддаться ему. Стоит только оказать сопротивление, и душа занемогает влечением к запретному и начинает порываться к тому, что ее же чудовищные законы сделали запретным и чудовищным. Сказано, что величайшие в мире события творятся в мозгу. В мозгу, и только в мозгу, совершаются и величайшие в мире согрешения. И в вас самих, мистер Грей, в вашей ало-розовой юности, в белом сиянии вашего отрочества, в вас бродили уже страсти, от которых вы содрогались, мысли, преисполнявшие вас ужасом, грезы наяву и грезы во сне, одно воспоминание о которых могло зажечь краской стыда ваши щеки.

— Стойте! — пробормотал Дориан Грей. Стойте. Вы меня ошеломляете. Я не знаю, что сказать. На ваши слова должен быть какой-то ответ, но я не могу найти его. Не говорите больше. Дайте мне подумать, или, вернее дайте мне попытаться не думать!

В течение почти десяти минут он стоял без движения с полураскрытыми устами, и глаза его странно блеснули. Он смутно сознавал, что совершенно новые влияния начали проявляться в нем, и ему казалось, что они исходят от него самого. Несколько слов, брошенных другом Бэзилем, без сомнения, случайных, но намеренно ортодоксальных, затронули в нем какую-то тайную струнку, до которой еще никто никогда не дотрагивался, но которая — он теперь это чувствовал — дрожала и прерывисто билась.

Раньше его так волновала музыка. Она не раз пробуждала в нем тревогу. Но в музыке нет определенности. Не новый мир создает она в нас, а скорее новый хаос. Слова! Просто слова! Но как они были ужасны! Как ясны, ярки и как жестоки! От них нельзя убежать! И какие в них были тонкие чары! Они, казалось, могли облечь расплывчатые образы в пластичные формы, в них звучала своя особая мелодия, столь же сладкая, как мелодия скрипки, лютни... Просто слова! Да разве есть что-нибудь столь реальное, как слова?

Да, в его отрочестве были вещи, которых он раньше не понимал. Он понял их теперь. Жизнь вдруг окрасилась для него огненными красками. Ему казалось, что он ходит среди пламени. Почему же раньше он не давал себе в этом отчета?..

Лорд Генри с тонкой улыбкой наблюдал за Дорианом. Он умел точно схватить психологический момент, когда следовало молчать. Он был сильно заинтересован. Он был изумлен тем внезапным впечатлением, какое произвели его слова; ему припомнилась одна книга, прочитанная в шестнадцать лет, книга, открывшая ему многое, чего он раньше не знал. Теперь он спрашивал себя, не испытывает ли и Дориан Грей то же самое? Он метнул стрелу просто в воздух. Неужели она попала в цель? Как очарователен был юноша!

Холлуорд писал своими чудесными, смелыми мазками, в которых сказывалась истинная утонченность и безукоризненная мягкость, что в искусстве, по крайней мере, служит признаком силы. Он не заметил наступившего молчания.

— Бэзиль, я устал стоять! — воскликнул вдруг Дориан Грей. — Я хочу выйти посидеть в саду. Здесь ужасно душно.

— Простите, милый. Когда я пишу, я ни о чем другом не могу думать. Но вы никогда так хорошо не позировали. Вы ни разу не шелохнулись. И я схватил эффект, которого добивался: полураскрытые губы и пылающие глаза. Не знаю, что вам тут говорил Гарри, знаю только, что он вызвал у вас на лице удивительное выражение. Вероятно, он расточал вам комплименты. Вы не должны верить ни одному его слову.

— Он безусловно не говорил мне комплиментов. Может быть, потому-то я и не верю ни одному его слову.

— Вы отлично знаете, что верите каждому слову, — проговорил лорд Генри, устремляя на юношу свои мечтательные, томные глаза. — Я пойду с вами в сад. В мастерской, действительно, страшно жарко. Бэзиль, велите нам дать чего-нибудь прохладительного, ну, чего-нибудь с земляникой, что ли...

— Хорошо, Гарри. Позвоните, и, когда придет Паркер, я прикажу ему подать, что вам нужно. Мне надо еще поработать над фоном, и я приду к вам немного погодя. Не

Dorian too long. I have never been in better form for painting than I am to-day. This is going to be my masterpiece. It is my masterpiece as it stands.”

Lord Henry went out to the garden and found Dorian Gray burying his face in the great cool lilac-blossoms, feverishly drinking in their perfume as if it had been wine. He came close to him and put his hand upon his shoulder. “You are quite right to do that,” he murmured. “Nothing can cure the soul but the senses, just as nothing can cure the senses but the soul.”

The lad started and drew back. He was bareheaded, and the leaves had tossed his rebellious curls and tangled all their gilded threads. There was a look of fear in his eyes, such as people have when they are suddenly awakened. His finely chiselled nostrils quivered, and some hidden nerve shook the scarlet of his lips and left them trembling.

“Yes,” continued Lord Henry, “that is one of the great secrets of life—to cure the soul by means of the senses, and the senses by means of the soul. You are a wonderful creation. You know more than you think you know, just as you know less than you want to know.”

Dorian Gray frowned and turned his head away. He could not help liking the tall, graceful young man who was standing by him. His romantic, olive-coloured face and worn expression interested him. There was something in his low languid voice that was absolutely fascinating. His cool, white, flower-like hands, even, had a curious charm. They moved, as he spoke, like music, and seemed to have a language of their own. But he felt afraid of him, and ashamed of being afraid. Why had it been left for a stranger to reveal him to himself? He had known Basil Hallward for months, but the friendship between them had never altered him. Suddenly there had come some one across his life who seemed to have disclosed to him life’s mystery. And, yet, what was there to be afraid of? He was not a schoolboy or a girl. It was absurd to be frightened.

“Let us go and sit in the shade,” said Lord Henry. “Parker has brought out the drinks, and if you stay any longer in this glare, you will be quite spoiled, and Basil will never paint you again. You really must not allow yourself to become sunburnt. It would be unbecoming.”

“What can it matter?” cried Dorian Gray, laughing, as he sat down on the seat at the end of the garden.

“It should matter everything to you, Mr. Gray.”

“Why?”

“Because you have the most marvellous youth, and youth is the one thing worth having.”

“I don’t feel that, Lord Henry.”

“No, you don’t feel it now. Some day, when you are old and wrinkled and ugly, when thought has seared your forehead with its lines, and passion branded your lips with its hideous fires, you will feel it, you will feel it terribly. Now, wherever you go, you charm the world. Will it always be so?... You have a wonderfully beautiful face, Mr. Gray. Don’t frown. You have. And beauty is a form of genius—is higher, indeed, than genius, as it needs no explanation. It is of the great facts of the world, like sunlight, or spring-time, or the reflection in dark waters of that silver shell we call the moon. It cannot be questioned. It has its divine right of sovereignty. It makes princes of those who have it. You smile? Ah! when you have lost it you won’t smile.... People say sometimes that beauty is only superficial. That may be so, but at least it is not so superficial as thought is. To me, beauty is the wonder of wonders. It is only shallow people who do not judge by appearances. The true mystery of the world is the visible, not the invisible.... Yes, Mr. Gray, the gods have been good to you. But what the gods give they quickly take away. You have only a few years in which to live really, perfectly, and fully. When your youth goes, your beauty will go with it, and then you will suddenly discover that there are no triumphs left for you, or have to content

задерживайте Дориана слишком долго. Я еще никогда не был в таком рабочем настроении, как сегодня. Это будет мой шедевр. Да и в таком виде это уже шедевр.

Лорд Генри вышел в сад и увидел, что Дориан уткнулся лицом в большие свежие грозди сирени и лихорадочно, точно вином, упивается их свежим ароматом. Он подошел к Дориану и положил ему руку на плечо.

— Вот так и надо, — тихо сказал он. — Ничто так не может исцелить душу, как чувства, точно так же, как чувства исцелит душа.

Юноша вздрогнул и отступил на шаг. Он был без шляпы, и листья растрепали его непокорные кудри, перепутав их золотые пряди. В глазах у него был испуг, как г, у внезапно пробужденного от сна человека. Тонко перченные ноздри его подергивались, а какой-то скрытый нерв коснулся алости его губ, и они задрожали.

— Да, продолжал лорд Генри, — это одна из великих тайн жизни: исцелять душу чувствами, а чувства душою. Вы — удивительное создание. Вы знаете больше, чем вам кажется, но меньше, чем хотели бы знать.

Дориан Грей нахмурился и отвернулся. Ему не мог не нравиться этот высокий, изящный молодой человек, стоявший подле него. Это романтическое, оливкового цвета лицо с усталым выражением привлекало его. В низком, томном голосе лорда Генри было что-то безусловно чарующее. Даже руки его, свежие и белые, похожие на цветы, таили в себе какое-то странное обаяние. Когда он говорил, они двигались, словно звуки музыки, и, казалось, имели свой собственный язык. Но Дориан чувствовал страх перед этим человеком и стыдился своего страха. Зачем нужно было, чтобы чужой человек раскрыл ему его самого? Бэзиля Холлуорда он знал уже несколько месяцев, но дружба их в нем ничего не изменила. И вот вдруг на его жизненном пути встречается человек, который как будто бы раскрывает перед ним тайну жизни... И все-таки, чего же тут бояться? Ведь он не школьник и не девочка! Нелепо было бояться.

— Пойдемте, сядем в тени, — сказал лорд Генри. Паркер уже принес питье; а если вы будете слишком долго стоять на этом солнышке, вы подурнеете, и Бэзил не захочет больше вас писать. Право, вы не должны загорать, это будет вам к лицу.

— Это не важно! — воскликнул Дориан, со смехом садясь на стул в конце сада.

— Для вас это должно быть очень важно, мистер Грей.

— Почему?

— Потому что вы — обладатель чудеснейшей юности, а юность — единственная ценность, которую стоит иметь.

— Я этого не чувствую, лорд Генри.

— Теперь вы этого не чувствуете. Но когда-нибудь наступит время, когда и вы сделаетесь старым, морщинистым и некрасивым, когда думы избородят ваше чело, а страсти иссушат ваши губы своим пожирающим пламенем, — тогда вы почувствуете это, очень почувствуете. Теперь, куда бы вы ни явились, вы всех очаровываете. Но разве это всегда будет так?.. У вас удивительно красивое лицо, мистер Грей. Не хмурьтесь; это верно. А красота — форма гения, и даже выше, чем гений, потому что она не требует объяснения. Она — одно из великих явлений мира, как солнце, или весна, или отражение в темных водах той серебряной раковины, что мы называем луною. Тут не может быть сомнения. За красотой высшие права на власть. Она делает царями тех, кто ею обладает. Вы улыбаетесь? Ах! Когда вы потеряете ее, вы не будете больше улыбаться! Люди иногда говорят, что красота лишь поверхностна. Может быть, это и так. Во всяком случае, она менее поверхностна, чем мысль. Для меня красота — это чудо из чудес. Только ограниченные люди не судят по внешности. Настоящая тайна мира заключается в видимом, а не в невидимом. Да, мистер Грей, боги были к вам милостивы. Но дары их недолговечны. Перед вами немного лет для жизни настоящей, совершенной, полной. Когда пройдет ваша юность, пройдет и красота вместе с нею; и тогда вы вдруг откроете, что для вас не остается больше побед, или же что вам придется ограничиться теми жал-

yourself with those mean triumphs that the memory of your past will make more bitter than defeats. Every month as it wanes brings you nearer to something dreadful. Time is jealous of you, and wars against your lilies and your roses. You will become sallow, and hollow-cheeked, and dull-eyed. You will suffer horribly.... Ah! realise your youth while you have it. Don't squander the gold of your days, listening to the tedious, trying to improve the hopeless failure, or giving away your life to the ignorant, the common, and the vulgar. These are the sickly aims, the false ideals, of our age. Live! Live the wonderful life that is in you! Let nothing be lost upon you. Be always searching for new sensations. Be afraid of nothing....

A new Hedonism—that is what our century wants. You might be its visible symbol. With your personality there is nothing you could not do. The world belongs to you for a season.... The moment I met you I saw that you were quite unconscious of what you really are, of what you really might be. There was so much in you that charmed me that I felt I must tell you something about yourself. I thought how tragic it would be if you were wasted. For there is such a little time that your youth will last—such a little time. The common hill-flowers wither, but they blossom again. The laburnum will be as yellow next June as it is now. In a month there will be purple stars on the clematis, and year after year the green night of its leaves will hold its purple stars. But we never get back our youth. The pulse of joy that beats in us at twenty becomes sluggish. Our limbs fail, our senses rot. We degenerate into hideous puppets, haunted by the memory of the passions of which we were too much afraid, and the exquisite temptations that we had not the courage to yield to. Youth! Youth! There is absolutely nothing in the world but youth!”

Dorian Gray listened, open-eyed and wondering. The spray of lilac fell from his hand upon the gravel. A furry bee came and buzzed round it for a moment. Then it began to scramble all over the oval stellated globe of the tiny blossoms. He watched it with that strange interest in trivial things that we try to develop when things of high import make us afraid, or when we are stirred by some new emotion for which we cannot find expression, or when some thought that terrifies us lays sudden siege to the brain and calls on us to yield.

After a time the bee flew away. He saw it creeping into the stained trumpet of a Tyrian convolvulus. The flower seemed to quiver, and then swayed gently to and fro.

Suddenly the painter appeared at the door of the studio and made staccato signs for them to come in. They turned to each other and smiled.

“I am waiting,” he cried. “Do come in. The light is quite perfect, and you can bring your drinks.”

They rose up and sauntered down the walk together. Two green-and-white butterflies fluttered past them, and in the pear-tree at the corner of the garden a thrush began to sing.

“You are glad you have met me, Mr. Gray,” said Lord Henry, looking at him.

“Yes, I am glad now. I wonder shall I always be glad?”

“Always! That is a dreadful word. It makes me shudder when I hear it. Women are so fond of using it. They spoil every romance by trying to make it last for ever. It is a meaningless word, too. The only difference between a caprice and a lifelong passion is that the caprice lasts a little longer.”

As they entered the studio, Dorian Gray put his hand upon Lord Henry's arm. “In that case, let our friendship be a caprice,” he murmured, flushing at his own boldness, then stepped up on the platform and resumed his pose.

Lord Henry flung himself into a large wicker arm-chair and watched him. The sweep and dash of the brush on the canvas made the only sound that broke the stillness,

кими победами, которые при воспоминании о вашем прошлом убудут вам казаться горше всяких поражений. Каждый месяц будет все приближать вас к чему-то ужасному... Время ведь ревнует вас и ведет войну с теми лилиями и розами, которыми вы одарены. Лицо ваше пожелтеет, щеки ввалятся, глаза потускнеют. Вы будете ужасно страдать... Ах! Пользуйтесь же вашей юностью, пока она еще не ушла. Не расточайте золота ваших дней, слушая скучных людей, стараясь исправить безнадежных или отдавая свою жизнь невеждам, пошлякам и мешанам. Все это — болезненные цели и ложные идеалы нашего века. Живите! Живите той чудной жизнью, что скрыта в вас! Пусть ничто для вас не пропадает. Вечно ищите новых ощущений. Не бойтесь ничего...

«Новый гедонизм — вот что необходимо нашему веку. Вы могли бы быть его видимым символом. С вашей внешностью, для вас нет ничего невозможного. Мир принадлежит вам на некоторое время...»

«С первого взгляда я понял, что вы и не догадываетесь, что вы такое и чем вы могли бы быть. В вас было так много для меня привлекательного, что я почувствовал необходимость рассказать вам о вас самих. Я подумал, как было бы трагично, если бы вы не успели взять от жизни всего, ибо ведь юность ваша — такое короткое, слишком короткое мгновение!»

«Обыкновенные полевые цветы вянут, но они снова расцветают. Ракитник будет так же золотиться в будущем июне, как и теперь. Через месяц появятся пурпуровые звездочки лозносов, и год за годом зеленая ночь их листьев будет светиться своими пурпуровыми звездами. Мы же никогда не можем вернуть свою юность. Пуль радости, который бьется в нас в двадцать лет, ослабевает. Члены нашего тела теряют силу, чувства притупляются. Мы вырождаемся в отвратительные марионетки, преследуемые воспоминаниями о тех страстях, которых мы слишком боялись, и об обольстительных искушениях, которым мы не посмели поддаться. Юность! Юность! На свете ничего, кроме нее, не существует!»

Дориан Грей, широко раскрыв глаза, удивленно слушал. Ветка сирени выпала у него из рук на песок. Мохнатая пчела прилетела и с минуту покружилась над ней; потом принялась карабкаться по этому овалу из крохотных звездочек. Юноша следил за нею с тем странным вниманием к ничтожным вещам, которое обыкновенно мы стараемся вызвать в себе, желая заглушить волнение или смутные ощущения, когда какая-нибудь страшная для нас мысль вдруг осаждает ум и принуждает сдаться.

Вскоре пчела улетела. Он видел, как она вползла в пеструю чашечку тирского вьюнка. Цветок как будто вздрогнул и плавно закачался из стороны в сторону.

Вдруг на пороге мастерской показался художник и начал делать им резкие знаки, приглашая войти. Они повернулись друг к другу и улыбнулись.

— Я жду! — крикнул Холлуорд. — Идите же! Освещение превосходное, а ваши стаканы можете взять с собой.

Они встали и медленно пошли рядом по дорожке. Мимо пронеслись две бело-зеленые бабочки, а в конце сада, на грушевом дереве, запел дрозд.

— Ведь вы рады, что встретились со мной, мистер Грей? — спросил лорд Генри, взглянув на него.

— Да, теперь я рад. Но не знаю, буду ли всегда рад.

— Всегда! Это — ужасное слово. Я вздрагиваю, когда я слышу его. Женщины так любят его употреблять. Они портят всякий роман, стараясь сделать его вечным. Кроме того, это слово ничего не значит. Единственная разница между капризом и страстью «на всю жизнь» та, что каприз длится немного долее.

Когда они входили в мастерскую, Дориан Грей дотронулся до руки лорда Генри.

— В таком случае, пусть наша дружба будет капризом, — прошептал он, краснея от собственной смелости.

Затем он взошел на подмостки и стал в позу.

Лорд Генри бросился в большое плетеное кресло и стал наблюдать за ним. Только удары кисти по полотну время от времени нарушали молчание, да иногда Холлуорд

except when, now and then, Hallward stepped back to look at his work from a distance. In the slanting beams that streamed through the open doorway the dust danced and was golden. The heavy scent of the roses seemed to brood over everything.

After about a quarter of an hour Hallward stopped painting, looked for a long time at Dorian Gray, and then for a long time at the picture, biting the end of one of his huge brushes and frowning.

"It is quite finished," he cried at last, and stooping down he wrote his name in long vermilion letters on the left-hand corner of the canvas.

Lord Henry came over and examined the picture. It was certainly a wonderful work of art, and a wonderful likeness as well. "My dear fellow, I congratulate you most warmly," he said. "It is the finest portrait of modern times. Mr. Gray, come over and look at yourself."

The lad started, as if awakened from some dream.

"Is it really finished?" he murmured, stepping down from the platform.

"Quite finished," said the painter. "And you have sat splendidly to-day. I am awfully obliged to you."

"That is entirely due to me," broke in Lord Henry. "Isn't it, Mr. Gray?"

Dorian made no answer, but passed listlessly in front of his picture and turned towards it. When he saw it he drew back, and his cheeks flushed for a moment with pleasure. A look of joy came into his eyes, as if he had recognised himself for the first time. He stood there motionless and in wonder, dimly conscious that Hallward was speaking to him, but not catching the meaning of his words. The sense of his own beauty came on him like a revelation. He had never felt it before. Basil Hallward's compliments had seemed to him to be merely the charming exaggeration of friendship. He had listened to them, laughed at them, forgotten them. They had not influenced his nature. Then had come Lord Henry Wotton with his strange panegyric on youth, his terrible warning of its brevity. That had stirred him at the time, and now, as he stood gazing at the shadow of his own loveliness, the full reality of the description flashed across him. Yes, there would be a day when his face would be wrinkled and wizen, his eyes dim and colourless, the grace of his figure broken and deformed. The scarlet would pass away from his lips and the gold steal from his hair. The life that was to make his soul would mar his body. He would become dreadful, hideous, and uncouth.

As he thought of it, a sharp pang of pain struck through him like a knife and made each delicate fibre of his nature quiver. His eyes deepened into amethyst, and across them came a mist of tears. He felt as if a hand of ice had been laid upon his heart.

"Don't you like it?" cried Hallward at last, stung a little by the lad's silence, not understanding what it meant.

"Of course he likes it," said Lord Henry. "Who wouldn't like it? It is one of the greatest things in modern art. I will give you anything you like to ask for. I must have it."

"It is not my property, Harry."

"Whose property is it?"

"Dorian's, of course," answered the painter.

"He is a very lucky fellow."

"How sad it is!" murmured Dorian Gray with his eyes still fixed upon his own portrait. "How sad it is! I shall grow old, and horrible, and dreadful. But this picture will remain always young. It will never be older than this particular day of June.... If it were only the other way! If it were I who was to be always young, and the picture that was to grow old! For that—for that—I would give everything! Yes, there is nothing in the whole world I would not give! I would give my soul for that!"

отступал на шаг, чтобы издали взглянуть на свою работу. В косых лучах солнца, струившихся в открытые двери, плясала золотистая пыль. Тяжелый запах роз, казалось, проникал всюду.

Четверть часа спустя Холлуорд прекратил работу, посмотрел долгим взглядом на Дориана Грея, затем на свою картину, кусая конец одной из своих огромных кистей и хмурясь.

— Совсем готова! — воскликнул он наконец и, нагнувшись, тонкими красными буквами подписал свое имя в левом углу полотна.

Лорд Генри подошел и принялся рассматривать картину. Без сомнения, это было поразительное произведение искусства; сходство также было поразительное.

— Ну, милый мой, поздравляю вас от всей души! Это лучший современный портрет. Мистер Грей, подойдите сюда и взгляните на себя самого.

Юноша вздрогнул, словно пробуждаясь от какого-то сна.

— Разве он уже в самом деле закончен? — пробормотал он, сходя с подмостков.

— Совершенно закончен, — сказал художник. — И вы сегодня прекрасно позировали. Я вам так благодарен.

— Это всецело благодаря мне, — вмешался лорд Генри. — Не так ли, мистер Грей?

Дориан не ответил, но беззаботно подошел к своему портрету и повернулся к нему лицом. При взгляде на свое изображение, он невольно отступил, и на щеках его вспыхнул на мгновение румянец удовольствия. Радость блеснула в его глазах, будто он в первый раз увидел себя. Он стоял пораженный, без движенья, смутно сознавая что Холлуорд говорит ему что-то, но не будучи в силах понять значение его слов. Сознание своей собственной красоты явилось ему словно откровение. Раньше он ее как-то не чувствовал, и комплименты Бэзиля Холлуорда казались ему преувеличенными изъявлениями дружбы, они выслушивал, смеялся и забывал. Впечатления они на него не производили. Потом появился лорд Генри со своим странным панегириком молодости, со своим страшным предостережением о ее кратковременности. Это еще тогда взволновало Дориана, и теперь, когда он увидел отражение своей собственной красоты, ему сразу стал ясен настоящий смысл слов лорда Генри. Да, наступит день, когда лицо его покроется морщинами и поблекнет, глаза потускнеют и выцветут, его стройная фигура изуродуется и согнется. Алость исчезнет с его губ, и золото потухнет в волосах. Жизнь, которая разовьет его душу, испортит его тело. Он станет отвратительным, некрасивым и неуклюжим.

При этой мысли острая боль, точно ножом, ударила его и привела в дрожь тончайшие фибры его существа. Глаза потемнели, стали похожими на аметисты и заволоклись туманом слез. Ему казалось, будто ледяная рука легла на его сердце.

— Вам портрет не нравится? — спросил наконец Холлуорд, немного обиженный непонятным молчанием юноши.

— Конечно, он ему нравится, — сказал лорд Генри.

— Да и кому же он не поправился бы! Это одно из величайших произведений современного искусства. Я дам вам за него все, что вы только и спросите. Я должен иметь этот портрет.

— Это не моя собственность, Гарри.

— Чья же это собственность?

— Конечно, Дориана, — ответил художник.

— Какой он счастливец!

— Как это печально! — прошептал Дориан Грей, все еще не отрывая глаз от собственного портрета. — Как это печально! Я состарюсь, стану уродливым и отвратительным, а этот портрет останется вечно юным. Он никогда не будет старше, чем в этот июньский день. О, если бы можно было сделать иначе! Если бы я мог навсегда остаться юным, а старился бы мой портрет! За это... за это... я отдал бы все! Да, за это я не пожалел бы ничего на свете. За это я дал бы свою душу.

“You would hardly care for such an arrangement, Basil,” cried Lord Henry, laughing. “It would be rather hard lines on your work.”

“I should object very strongly, Harry,” said Hallward.

Dorian Gray turned and looked at him. “I believe you would, Basil. You like your art better than your friends. I am no more to you than a green bronze figure. Hardly as much, I dare say.”

The painter stared in amazement. It was so unlike Dorian to speak like that. What had happened? He seemed quite angry. His face was flushed and his cheeks burning.

“Yes,” he continued, “I am less to you than your ivory Hermes or your silver Faun. You will like them always. How long will you like me? Till I have my first wrinkle, I suppose. I know, now, that when one loses one’s good looks, whatever they may be, one loses everything. Your picture has taught me that. Lord Henry Wotton is perfectly right. Youth is the only thing worth having. When I find that I am growing old, I shall kill myself.”

Hallward turned pale and caught his hand.

“Dorian! Dorian!” he cried, “don’t talk like that. I have never had such a friend as you, and I shall never have such another. You are not jealous of material things, are you?—you who are finer than any of them!”

“I am jealous of everything whose beauty does not die. I am jealous of the portrait you have painted of me. Why should it keep what I must lose? Every moment that passes takes something from me and gives something to it. Oh, if it were only the other way! If the picture could change, and I could be always what I am now! Why did you paint it? It will mock me some day—mock me horribly!” The hot tears welled into his eyes; he tore his hand away and, flinging himself on the divan, he buried his face in the cushions, as though he was praying.

“This is your doing, Harry,” said the painter bitterly.

Lord Henry shrugged his shoulders. “It is the real Dorian Gray—that is all.”

“It is not.”

“If it is not, what have I to do with it?”

“You should have gone away when I asked you,” he muttered.

“I stayed when you asked me,” was Lord Henry’s answer.

“Harry, I can’t quarrel with my two best friends at once, but between you both you have made me hate the finest piece of work I have ever done, and I will destroy it. What is it but canvas and colour? I will not let it come across our three lives and mar them.”

Dorian Gray lifted his golden head from the pillow, and with pallid face and tear-stained eyes, looked at him as he walked over to the deal painting-table that was set beneath the high curtained window. What was he doing there? His fingers were straying about among the litter of tin tubes and dry brushes, seeking for something. Yes, it was for the long palette-knife, with its thin blade of lithe steel. He had found it at last. He was going to rip up the canvas.

With a stifled sob the lad leaped from the couch, and, rushing over to Hallward, tore the knife out of his hand, and flung it to the end of the studio. “Don’t, Basil, don’t!” he cried. “It would be murder!”

“I am glad you appreciate my work at last, Dorian,” said the painter coldly when he had recovered from his surprise. “I never thought you would.”

“Appreciate it? I am in love with it, Basil. It is part of myself. I feel that.”

— Вряд ли такая сделка понравилась бы вам, Бэзил, — смеясь, заметил лорд Генри. — Профессия ваша была бы тогда не из легких!

— Я сильно протестовал бы, Гарри, — сказал Холлуорд.

Дориан Грей оглянулся и посмотрел на него.

— Не сомневаюсь в этом, Бэзил. Вы любите свое искусство больше, чем своих друзей. Я значу для вас не больше, чем какая-нибудь зеленая бронзовая фигурка. А, пожалуй, даже и меньше.

Художник взглянул на него в удивлении. Такие речи Дориану били несвойственны. Что такое случилось? Юноша казался почти рассерженным. Лицо его покраснело, щеки пылали.

— Да — продолжал он, — я для вас значу меньше, чем ваш Гермес из слоновой кости или серебряный фавн. Их вы будете любить всегда. А долго ли вы будете любить меня? До моей первой морщинки, вероятно? Я теперь знаю, что, как только человек теряет свою привлекательную наружность, какова бы она ни была, он теряет все. Ваша картина научила меня этому. Лорд Генри Уоттон совершенно прав: молодость — единственное, что отбит ценить. Как только замечу, что старею, я убью себя!

Холлуорд побледнел и схватил его за руки.

— Дориан! Дориан! Не говорите так! У меня никогда не было такого друга, как вы, и никогда не будет такого. Неужели вы завидуете неодушевленным вещам, вы, который прекраснее всех вещей?

— Я завидую всему, чья красота не умирает. Я завидую этому портрету, который вы написали с меня. Зачем он навсегда сохранит то, что я должен потерять? Каждая проходящая минута обкрадывает меня и дает нечто ему. О, если бы только могло быть обратное! Если бы картина могла меняться, а я оставался бы таким же, как сейчас. Зачем вы написали ее? Она когда-нибудь будет издеваться надо мной, — жестоко издеваться.

Горячие слезы залили его глаза; он вырвал руку и, бросившись па диван, спрятал лицо в подушках, как бы погруженный в молитву.

— Это вы наделали, Гарри, — с горечью сказал Холлуорд.

Лорд Генри пожал плечами.

— Это настоящий Дориан Грей, вот и все, — ответил он.

— Нет.

— А если нет, так при чем тут я?

— Вы должны были уйти, когда я просил об этом, — пробормотал он.

— Я остался по вашей просьбе.

— Гарри, я не могу сорваться одновременно с двумя своими лучшими друзьями; но вы оба заставили меня возненавидеть лучшее мое произведение, и я уничтожу его. Что ж, ведь это только полотно и краски! Я не хочу, чтобы оно становилось между нами троими и портило наши отношения.

Дориан Грей поднял с подушки свою золотистую голову и, бледный, с заплаканными глазами следил за Холлуордом, пока тот подходил к столику с рисовальными принадлежностями, стоявшему около высокого, задернутого занавесью окна. Что он там делает? Его пальцы бродили среди множества тоненьких трубочек и сухих кистей, как бы ища чего-то. Да, он искал длинный шпатель с тонким гибким стальным лезвием. Он нашел его наконец. Он собирается разрезать полотно.

Заглушая рыдания, Дориан вскочил с дивана, подбежал к Холлуорду, вырвал нож у него из рук и отбросил его в дальний угол мастерской.

— Не делайте этого, Бэзил, не делайте! — Закричал он. — Это было бы убийством!

— Я рад, что вы наконец оценили мою работу, Дориан, — холодно проговорил художник, оправившись от удивления: — я думал, что вы ее никогда не оцените. Оценить ее? Да ведь я влюблен в нее, Бэзил. Это — часть меня самого. Я это чувствую.

“Well, as soon as you are dry, you shall be varnished, and framed, and sent home. Then you can do what you like with yourself.” And he walked across the room and rang the bell for tea. “You will have tea, of course, Dorian? And so will you, Harry? Or do you object to such simple pleasures?”

“I adore simple pleasures,” said Lord Henry. “They are the last refuge of the complex. But I don’t like scenes, except on the stage. What absurd fellows you are, both of you! I wonder who it was defined man as a rational animal. It was the most premature definition ever given. Man is many things, but he is not rational. I am glad he is not, after all—though I wish you chaps would not squabble over the picture. You had much better let me have it, Basil. This silly boy doesn’t really want it, and I really do.”

“If you let any one have it but me, Basil, I shall never forgive you!” cried Dorian Gray; “and I don’t allow people to call me a silly boy.”

“You know the picture is yours, Dorian. I gave it to you before it existed.”

“And you know you have been a little silly, Mr. Gray, and that you don’t really object to being reminded that you are extremely young.”

“I should have objected very strongly this morning, Lord Henry.”

“Ah! this morning! You have lived since then.”

There came a knock at the door, and the butler entered with a laden tea-tray and set it down upon a small Japanese table. There was a rattle of cups and saucers and the hissing of a fluted Georgian urn. Two globe-shaped china dishes were brought in by a page. Dorian Gray went over and poured out the tea. The two men sauntered languidly to the table and examined what was under the covers.

“Let us go to the theatre to-night,” said Lord Henry. “There is sure to be something on, somewhere. I have promised to dine at White’s, but it is only with an old friend, so I can send him a wire to say that I am ill, or that I am prevented from coming in consequence of a subsequent engagement. I think that would be a rather nice excuse: it would have all the surprise of candour.”

“It is such a bore putting on one’s dress-clothes,” muttered Hallward. “And, when one has them on, they are so horrid.”

“Yes,” answered Lord Henry dreamily, “the costume of the nineteenth century is detestable. It is so sombre, so depressing. Sin is the only real colour-element left in modern life.”

“You really must not say things like that before Dorian, Harry.”

“Before which Dorian? The one who is pouring out tea for us, or the one in the picture?”

“Before either.”

“I should like to come to the theatre with you, Lord Henry,” said the lad.

“Then you shall come; and you will come, too, Basil, won’t you?”

“I can’t, really. I would sooner not. I have a lot of work to do.”

“Well, then, you and I will go alone, Mr. Gray.”

“I should like that awfully.”

The painter bit his lip and walked over, cup in hand, to the picture. “I shall stay with the real Dorian,” he said, sadly.

“Is it the real Dorian?” cried the original of the portrait, strolling across to him. “Am I really like that?”

“Yes; you are just like that.”

“How wonderful, Basil!”

“At least you are like it in appearance. But it will never alter,” sighed Hallward. “That is something.”

— Прекрасно. Как только вы высохнете, вы будете покрыты лаком, вставлены в раму и отправлены домой. И тогда вы можете делать с собою все, что вам будет угодно.

И, пройдя через комнату, Бэзил позвонил, чтобы подали чай.

— Вы конечно, выпьете чаю, Дориан? И вы также, Гарри? Или вы не любите такие незатейливые удовольствия?

— Я обожаю незатейливые удовольствия, — сказал лорд Генри. — Это — последнее прибежище для сложных натур. Но я не люблю сцен, кроме сцен на подмостках, что за нелепые люди вы оба! Кто это определил человека, как разумное животное? По-моему, это было самое преждевременное из всех когда-либо высказанных определений. Человек все, что хотите, только не разумен. Впрочем, я рад этому; только я хотел бы, друзья мои, чтобы вы не ссорились из-за этой картины. Самое лучшее было бы отдать ее мне, Бэзил. Этот глупый мальчик вовсе не хочет ее иметь, а я ее страстно желаю.

— Если вы отдадите ее кому-нибудь другому, Бэзил, — этого вам никогда не прошу! — воскликнул Дориан Грей. — И я никому не позволю называть меня глупым мальчиком!

— Вы же знаете, что картина принадлежит вам, Дориан. Я подарил ее вам еще раньше, чем она существовала. И вы также знаете, что вы были чуть-чуть глупеньким, мистер Грей, и что вы, в сущности, ничего не имеете против того, чтобы вам напоминали о вашей крайней молодости.

— Еще сегодня утром я бы очень много имел против этого, лорд Генри.

— Ах! Сегодня утром. Но с тех пор вы уже прожили некоторое время!

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел лакея с чайным подносом, который он поставил на японский маленький столик. Послышалось звяканье чашек и пыхтенье самовара. Мальчик внес два шарообразных фарфоровых блюда. Дориан Грей подошел к столу и разлил чай. Остальные двое медленно приблизились и, подняв крышки, посмотрели, что находилось под ними.

— Пойдемте сегодня в театр, предложил лорд Генри, — наверное, что-нибудь где-нибудь идет интересное. Я обещал обедать в Уайт-клубе, но с одним только старым приятелем, так что я могу телеграфировать ему, что я болен или что я не могу прийти, вследствие более позднего приглашения. Мне кажется, что это будет довольно милая отговорка; она удивит его своим простодушием.

— Так скучно одеваться во фрак, — пробормотал Холлуорд, — и когда его наденешь, то чувствуешь себя так отвратительно.

— Да — задумчиво ответил лорд Генри, — костюм XIX века отвратителен. Он такой мрачный и скучный. Единственный красочный элемент, сохранившийся в современной жизни, это — порок.

— Право, вы не должны говорить таких мрачных вещей при Дориане, Гарри!

— При каком Дориане, при том, который разливает чай, или который на картине?

— Перед обоими.

— Мне бы хотелось пойти вместе с вами в театр, лорд Генри — заметил юноша.

— В таком случае вы пойдете, и вы также, Бэзил, не правда ли?

— Я, право, не могу. Я бы не хотел. У меня масса дел.

— Ну, так мы пойдем одни — вы и я, мистер Грей.

— Я буду страшно рад.

Бэзил Холлуорд закусил губу и, с чашкой чая в руке, подошел к картине.

Я останусь с настоящим Дорианом, — грустно проговорил он.

— Разве это — настоящий Дориан? — воскликнул оригинал портрета, подходя к нему. — Я таков на самом деле?

— Да, вы именно таковы.

— Как это чудесно, Бэзил!

— По крайней мере, вы таким кажетесь. Изображение ваше никогда не изменится, — вздохнул Холлуорд. — А это что-нибудь да значит.

“What a fuss people make about fidelity!” exclaimed Lord Henry. “Why, even in love it is purely a question for physiology. It has nothing to do with our own will. Young men want to be faithful, and are not; old men want to be faithless, and cannot: that is all one can say.”

“Don’t go to the theatre to-night, Dorian,” said Hallward. “Stop and dine with me.”

“I can’t, Basil.”

“Why?”

“Because I have promised Lord Henry Wotton to go with him.”

“He won’t like you the better for keeping your promises. He always breaks his own. I beg you not to go.”

Dorian Gray laughed and shook his head.

“I entreat you.”

The lad hesitated, and looked over at Lord Henry, who was watching them from the tea-table with an amused smile.

“I must go, Basil,” he answered.

“Very well,” said Hallward, and he went over and laid down his cup on the tray. “It is rather late, and, as you have to dress, you had better lose no time. Good-bye, Harry. Good-bye, Dorian. Come and see me soon. Come to-morrow.”

“Certainly.”

“You won’t forget?”

“No, of course not,” cried Dorian.

“And... Harry!”

“Yes, Basil?”

“Remember what I asked you, when we were in the garden this morning.”

“I have forgotten it.”

“I trust you.”

“I wish I could trust myself,” said Lord Henry, laughing. “Come, Mr. Gray, my hansom is outside, and I can drop you at your own place. Good-bye, Basil. It has been a most interesting afternoon.”

As the door closed behind them, the painter flung himself down on a sofa, and a look of pain came into his face.

CHAPTER 3

At half-past twelve next day Lord Henry Wotton strolled from Curzon Street over to the Albany to call on his uncle, Lord Fermor, a genial if somewhat rough-mannered old bachelor, whom the outside world called selfish because it derived no particular benefit from him, but who was considered generous by Society as he fed the people who amused him. His father had been our ambassador at Madrid when Isabella was young and Prim unthought of, but had retired from the Diplomatic Service in a capricious moment of annoyance on not being offered the Embassy at Paris, a post to which he considered that he was fully entitled by reason of his birth, his indolence, the good English of his dispatches, and his inordinate passion for pleasure. The son, who had been his father’s secretary, had resigned along with his chief, somewhat foolishly as was thought at the time, and on succeeding some months later to the title, had set himself to the serious study of the great aristocratic art of doing absolutely nothing.

— Как люди возятся с постоянством! — проронил лорд Генри. — Ведь даже в любви это — просто вопрос физиологии. Верность не имеет ничего общего с нашей волей. Молодые люди хотят быть верными — и не бывают; старики хотят быть неверными — и не могут; вот и все.

— Не ходите сегодня в театр, Дориан, — сказал Холлуорд, — останьтесь и пообедайте со мной.

— Не могу, право, Бэзил.

— Почему?

— Потому что я обещал лорду Генри пойти вместе с ним.

— То, что вы сдержите свое обещание, не прибавит вам цены в его глазах. Он всегда нарушает свои собственные обещания. Я прошу вас: не ходите с ним.

Дориан Грей засмеялся и покачал головой.

— Я умоляю вас.

Юноша поколебался; он кинул взгляд на лорда Генри, который, с чашкою в руке, наблюдал за ними, весело улыбаясь.

— Я должен идти, Бэзил, — ответил он.

— Прекрасно, — сказал Холлуорд и, подойдя к столу, поставил свою чашку на поднос. — Уже довольно поздно; а так как вам надо еще одеться, то не следует терять время. Прощайте, Гарри; прощайте, Дориан. Зайдите ко мне на днях... Приходите завтра!

— Непременно.

— Вы не забудете?

— Нет, конечно, нет! — воскликнул Дориан.

— И вы... Гарри!

— Хорошо, Бэзил.

— Вспомните, о чем я просил вас в саду сегодня утром.

— Я позабыл об этом.

— Я доверяю вам. А хотел бы доверять самому себе, — сказал лорд Генри, смеясь. Идемте, мистер Грей! Мой экипаж у подъезда, и я могу подвезти вас домой. Прощайте, Бэзил! Сегодня выдался интересный денек.

Когда дверь за ними закрылась, Холлуорд бросился на диван, и на лице у него появилось выражение боли.

ГЛАВА III

На следующий день около половины первого лорд Генри Уоттон медленно шел с Кёрзон-стрита по направлению к Альбани, намереваясь навестить своего дядю, лорда Фермора, старого холостяка, очень неглупого, хотя и несколько грубоватого. Посторонние люди считали его эгоистом, не получая от него особенной выгоды; в высшем же свете он слыл за человека радушного, так как прикармливал людей, казавшихся ему забавными. Отец лорда Фермора, в дни юности Изабеллы, еще до появления на сцене Прима, был английским посланником в Мадриде, но, в минуту каприза, бросил дипломатическую карьеру, обидевшись на то, что его не назначили послом в Париж — пост, на который он считал себя вполне призванным по своему рождению, сибаритству, изысканному английскому стилю своих дипломатических нот и по своей необычайной страсти к наслаждениям. Сын, бывший секретарем при отце, вышел в отставку вместе со своим принципалом — несколько опрометчиво, как тогда думали, — и несколько месяцев спустя, унаследовав титул, принялся серьезно изучать великое аристократическое искусство ничегонеделанья.